

И. Соколов

**Афонское монашество в его прошлом и
современном состоянии
профессор Иван Иванович Соколов**

Параграф [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#) [19](#) [20](#)

Историческое значение Афона. – Его местоположение и природа.–
Краткая история местного монашества. – Современное состояние
монашества на Афоне: монастыри, скиты, келлии, кафизмы; сиромахи.–
Управление на Афоне, – иноческое, церковное и гражданское – Жизнь
монахов. – Русские иноки на Афоне, их минувшая судьба и современное
состояние. – Монастырь Пантелеимоновский, скиты Андреевский и
Ильинский. – Подвиги и труды русских монахов. – Разлад между иноками
русскими и греческими – *Pia desideria* относительно будущей
деятельности русских иноков Афона.

§ I

В числе святых мест греческого Востока, привлекающих к себе взоры всего христианского мира и служащих целью благочестивого паломничества для верующих людей, Святая Гора Афон занимает особое, исключительное положение. Более тысячи лет она является главным приютом православного греко-славянского монашества, которое во все время своего здесь существования стояло на высоте иноческих идеалов и служило образцом истинной религиозно-созерцательной жизни. Здесь находили себе тихое пристанище все те, кои стремились, путем молитвы и поста, вдали от мира и его прелестей достигнуть высокого нравственного совершенства. Здесь успокаивались мирские страсти, забывались невзгоды и бедствия бурной политической и общественной жизни, здесь царило полное духовное довольство, при скудости внешней обстановки, непрерывно совершались высокие аскетические подвиги, возгревалась истинная любовь к Богу и ближним. Оставаясь всегда верными заветам и преданиям древних христианских аскетов и пустынножителей, афонские иноки были строгими ревнителями учения православной церкви и просвещенными его защитниками. Их принципом в этом отношении было точное соблюдение христианских догматов и канонов. Всякий раз, когда церкви угрожали ложные и губительные доктрины, афонские монахи смело выступали на борьбу с ними и энергично защищали чистоту церковных истин. Свой обличительный голос они поднимали даже против императоров (византийских). Затем, Афон всегда был очагом просвещения. Многие из монахов достигали замечательных успехов в научных своих занятиях и ознаменовали себя выдающимися учено-литературными трудами в различных областях знания. У них в обычае было учреждать при монастырях и школы для приготовления клириков из среды иноков, а также устраивать библиотеки. И ныне на Афоне сохранились богатейшие собрания греческих рукописей и книг, привлекающие к себе внимание ученых всего мира. Эти библиотеки собирались в течение веков трудами самих монахов, которые считали переписку рукописей делом благочестивым и с усердием занимались изготовлением рукописных кодексов различного содержания. Афонские библиотеки имели громадное просветительное значение не только для греков, но и для славян, в частности и для нас русских. Отсюда именно, чрез посредство славянских обитателей, наши предки черпали свои познания по вопросам религиозно-нравственным, историческим, философским.

Здесь именно скрывался тот кладезь духовной мудрости, которую наше отечество получило в наследие от византийских греков. Далее, Афон всегда был строгим хранителем церковно-богослужебного устава и ревностным его исполнителем. Здесь, в обителях греческих и русских, и ныне церковный устав является главным основоположением всей жизни, которая всецело и регулируется в зависимости от литургических и обрядовых его предписаний. А монастырские храмы весьма интересны в архитектурном и художественно-иконописном отношении. Афонская живопись, иконы, фрески, мозаики, древняя утварь и пр. служат теперь предметом весьма тщательного исследования со стороны русских и иностранных ученых. На Афон предпринимаются целые экскурсии ученых и командуются комиссии для изучения афонской живописи, исторически выработавшейся в особый стиль и отлившейся в своеобразные формы. Наконец, афонские монахи чутко прислушивались и к несчастьям внешнего мира: всякий раз, когда православному Востоку угрожали те или иные бедствия, они шли к нему на помощь, щедро благотворили бедным и неимущим, во время голода или после нашествия врагов, снабжали греков деньгами на устройство школ, церквей, благотворительных учреждений и т.п. Таким образом, Афон в течение ряда веков является центральным очагом религиозно-созерцательной жизни православного Востока, главной школой аскетических подвигов для всего православного Мира, ревностным хранителем церковного предания и христианского просвещения, неодолимою твердыней православия, замечательным культурно-историческим памятником, Горою Святою (αγιον βρος) по преимуществу. Таково историческое значение Афона.

§ II

Высокому, исключительному назначению Афона вполне благоприятствует и его географическое положение, а также и физическая природа. Афон расположен в совершенном уединении от мира, на одном из полуостровов Халкидики, на юге Македонии, у лазурных вод Эгейского моря, в двух сутках морского пути от нашей Одессы. Полуостров представляет горную цепь, длиною до 80, а шириною до 20 верст. Имея у перешейка, коим соединяется с Македонией, незначительную высоту, горная цепь далее постепенно поднимается и у моря оканчивается возвышенностью, достигающею двух верст. Во всех направлениях Афон изрезан оврагами и долинами, покрыт по местам каменистыми утесами и скалами. Несмотря на свьшетысячетнее существование иноческих поселений, на Афоне и поныне сохранилось много девственных мест, непроходимых дебрей и неприступных утесов, куда не проникал еще человеческий глаз, и где не ступала человеческая нога. В физическом отношении Афон представляет удивительный уголок в целом мире. Почти вся поверхность горы, ее склоны и долины покрыты вековыми, высокими деревьями и мелким кустарником различной породы. Густолиственные, подымающиеся до небес кедры, украшенные вьющимися по их стволам и ветвям стеблями и цветами омелы (из породы плюща), благоухающие певги, стройные кипарисы, крепкие буки и дубы, тенистые платаны, черные тополи, плакучие ивы, громадные каштаны, маслины, миртовые, миндальные, апельсинные и лимонные деревья, вишня, виноград, розы, яблони и груши – вот обычные представители афонской флоры. Прекрасный вид восполняется многочисленными источниками воды. Но пернатое царство здесь не отличается обилием и разнообразием пород. Больше всего на горе водятся орлы, филины, совы, сычи и вороны, мелкие же птички (соловьи, зяблики, ласточки) лишь во время весеннего перелета в громадном количестве посещают Афон, оглашая эту уединенную местность своим веселым пением и непрерывным щебетанием. Мало на Афоне и диких зверей. Лишь изредка можно заметить на голых скалах одинокую дикую козу, или в горном ущелье пройдет пара заблудившихся кабанов, да разве в чаще леса пробежит робкая, издалека загнанная лань... Зато много можно видеть на Афоне рабочих волов и мулов, пасущихся близ монастырей и келлий, хотя размножения скотоводства здесь не бывает, потому что местные иноческие уставы запрещают держать самок всякого рода животных.

Живой голос редко слышится на Афоне, – ни рев зверей, ни мычание и блеяние стад не нарушают глубокого безмолвия местности, – везде тихо и пустынно. Только ветер просвистит в горных ущельях или поднимет шелест листьев в сплошных здешних рощах, да неугомонное море глухо и монотонно зашумит у прибрежных скал, – и снова повсюду воцарится тишина и водворится безмолвие. А над всем господствует яркое тропическое солнце. Наименьшая средняя температура воздуха падает здесь на месяцы декабрь (5,5° по Реомюру) и январь (5,7°), а наибольшая – на июль (21,03°) и август (19,91°). Температура воды в окружающем море зимой бывает до 9 и 10° тепла по Реомюру, а в июле 21–25°. Эта примечательная местность и служила с древних времен наиболее любимым очагом православного греко-славянского монашества.

§ III

Первоначальные иноческие поселения на Афоне относятся ко времени возникновения христианского монашества (в IV веке), но они проявлялись в форме одиночного подвижничества и анахоретства. Лишь в VII столетии, в царствование византийского императора Константина Погоната (668–685 г.), который отдал Афон в полное распоряжение монахов, здесь возникли и монастыри, небольшие по размерам и населению и небогатые материальными средствами. В иконоборческую эпоху (VIII в.) прилив монахов на уединенный и далекий от гонений Афон увеличился, но в IX веке местное население неоднократно подвергалось опустошительным набегам со стороны арабов и морских пиратов. Императоры Македонской династии (IX-X в.в.) своими щедрыми пожертвованиями и покровительством содействовали умножению монашества на Афоне. Но особенно укрепилось афонское монашество в X веке, благодаря трудам святого Афанасия Афонского (1001 г.), который впервые построил большой монастырь на самой территории Афона (в юго-восточной его части, близ моря), ввел в нем общежительное устройство и дал своей киновии новый устав, определявший дисциплинарную его жизнь и церковно-богослужебный строй. По образцу лавры святого Афанасия на Афоне стали возникать и другие монастыри (Иверский, Каракальский, Кутлумушский и так далее), в коих жизнь монахов стала устраиваться на началах киновии. Вместе с тем продолжало процветать и анахоретство, эта изначальная форма афонского иночества. Высота иноческих подвигов была так почтенна, что в середине XI века Афон в первый раз и официально был назван „Святою горою“ – ἁγίον βρος (в уставе императора Константина Мономаха от 1046 года). В то время здесь было до 180 монастырей и громадное число монахов: в одной лавре св. Афанасия их было 700. Они проводили строгую религиозно-созерцательную жизнь. Мирские занятия, женщины, пиршества были навсегда изгнаны из пределов Афона. Здесь не было различия между рабом и господином, здесь царили истинная свобода и справедливость. В царствование византийской династии Комнинов (XII в.) Афон пользовался и внешним благополучием и внутренним благоустройством. Один из императоров этой династии (Алексей I) даже узаконил, чтобы Афон был независим от всякой власти – гражданской и церковной, в том числе и патриаршей, и подчинялся только одному императору; ближайшее высшее управление афонскими монастырями возлагалось на совет игуменов, во главе с первым из них – протом; а

епархиальной власти (епископу соседнего города Иериссо) предоставлялось только право хиротонии афонских священников и диаконов, по желанию монастырей. К началу XIII века Афон был весь усеян монастырями, так что казался одним большим монастырем, представлялся всецело иноческим царством. Единством духовных целей Афон роднил все племена и соединял в одну общину представителей разных народностей. Все стремились к одной цели – вечному спасению, для всех Афон был самой высшей школой православно-христианского подвижничества. Это был, монашеский рай место святое, дом Божий и врата небесные. Но вслед затем в истории Афона наступила другая пора.

В 1204 году, после завоевания Константинополя латинянами, подпал латинскому игу и монашеский Афон. Высшее управление монастырями взял на себя римский папа (Иннокентий III-й), а ближайшее о них попечение было предоставлено севастиийскому латинскому епископу. Этот епископ, живя на Афоне, грубо и дерзко обращался с греческими монахами, подвергал их гонениям, разорял монастыри. Бедствия афонских монахов прекратились лишь в середине XIII столетия, когда было низвергнуто латинское иго. При императоре Михаиле VIII Палеологе (1259–1282 г.), который, по соображениям политическим и личным, затеял церковную унию с Римом (1274 г.), афонские монахи подверглись жестокому преследованию за устойчивое и убежденное исповедание православия. Они имели даже дерзновение послать императору особый свиток, с доказательствами истинности православия и лживости латинства, а самого царя смело обличали в неправомыслии. В ответ на это послание, в октябре 1280 года, на Афон по приказанию императора, прибыли для введения унии ее греческие приверженцы, во главе с латинским духовенством. Встретив в Иверском монастыре мужественное исповедание веры, они утопили греческих монахов в море, грузин насильственно отправили в Италию, а монастырь ограбили. В монастыре Ватопедском все монахи были повешены, а в Зографском 26 иноков были сожжены. В Карее были изрублены прот Святой горы и все подвизавшиеся здесь старцы, церковь была сожжена и келлии ограблены и т.д. В эпоху династии Палеологов (XIV в.) Афон пользовался сравнительным благополучием, благодаря щедрости и покровительству императоров. Один из них (Андроник Старший) отказался в 1313 году от непосредственного управления Афоном, которое принадлежало императорской власти, в силу прежних распоряжений, и подчинил его власти константинопольского патриарха.

В 1453 г. Афон был завоеван турками, но был пощажен от разорения и

получил право свободно совершать христианское богослужение. В последующее время Афон подвергся крупному бедствию, в царствование султана Селима II (1566–1574), который отнял в пользу казны, все принадлежавшие местным монастырям имения. С того времени многие монастыри впали в большую бедность, от которой не избавились и теперь. В 1821 г., во время общего восстания греков против турок, в нем приняли участие и афонские монахи. Но за это они были жестоко наказаны. На Афон вступили турецкие войска и заняли монастыри, в которых и оставались до 1829 года. Монахи обязаны были содержать их на свои средства. Турецкие солдаты вели себя на Афоне крайне предосудительно: они ограбили несколько монастырей и келлий, монахов частью разогнали, частью убили. Кроме того, султан (Махмуд II) потребовал от Афона заложников, которые и были заключены в государственную тюрьму в Константинополе, а на все монастыри наложил громадную контрибуцию (до 200.000 рублей) с обязательством уплатить в определенные сроки. Султан даже хотел срыть афонские монастыри до основания, но пощадил лишь по ходатайству русского императора Александра I. После этого Афон сильно опустел и обеднел и стал наполняться монахами только после заключения нашего мира с турками в Адрианополе (1829 г.). С того, времени доныне во внешней жизни Афона не было каких-либо крупных перемен.

§ IV

Жизнь монахов на Афоне издавна отлилась в своеобразный формы, который сохранились в подлинном своем значении и в настоящее время. Ныне на Афоне существует двадцать больших монастырей, еще от времен византийских, удержавших за собою наименование царских и ставропигиальных¹. Они занимают господствующее положение среди других учреждений Святой горы, независимы друг от друга по своему внутреннему устройству и управлению и вполне самостоятельно распоряжаются на землях и участках, им принадлежащих. В зависимости от своего устройства и управления, монастыри разделяются на киновии, или общежития и идиоритмы, или штатные. В киновиях монахи равны между собою, проводят общую жизнь и владеют общим имуществом, имуществом монастыря. Между ними нет никакого разделения, – они составляют братство, в коем все, как истинные братья, имеют одинаковые права, несут одинаковые обязанности и послушания, все исполняют лишь то, что полезно для монастыря. Собственного имущества никто из монахов не может иметь, и небольшие их келлии постоянно открыты для всех. Все братья вкушают пищу в общей трапезе и в определенное время, строго воздерживаясь от мяса и соблюдая посты; одежду, одинаковой ценности и образца, они получают от игумена в известное время года. Управление киновией возлагается на игумена, который избирается общим голосом всего братства и пред ним же является ответственным за свою деятельность. Игумен, будучи ближайшим начальником монастыря, есть в то же время общий для всех отец и руководитель в аскетической жизни, а также и старец-духовник, если имеет священный сан. В больших монастырях он управляет братией при содействии других должностных лиц (наместника, духовника, эконома, казначея, благочинного и т.д.), а также при помощи почетных старцев-геронтов, с которыми и совещается по наиболее важным делам. Геронты, в случаях нарушения игуменом своих обязанностей, могут судить его и лишить власти. В настоящее время к общежительным монастырям на Афоне принадлежат следующие двенадцать: русский святого Пантелеймона, Зограф, Костамонит, Григориат, Дионисия, святого Павла, Кутлумушский, Симоно-Петра, Каракалл, Есфигмент, Ксенофонта и Ставреникита.

В противоположность киновиям, идиоритмами называются монастыри, в которых нет ни общей жизни, ни общего имущества, ни равенства прав, ни власти игумена. Отцы или братия идиоритма

разделяются на проиस्ताменов, или проэстосов (стоящих впереди, наставников-руководителей), и пангенионов (простых членов общины). Проэстосы управляют и руководят жизнью монастыря; из среды их избирается священное собрание (синаксис), которое представляет высшую в обители власть и выполняет свое служение, чрез посредство двух, избираемых собранием, епитропов или доверенных и одного дикея, действующих во всем под надзором и руководством синаксиса. Но, дабы не был упразднен освященный издревле обычай управления в монастырях при посредстве игумена, таковой избирается и в идиоритмах и, конечно, из класса проэстосов, причем избранный, если состоит простым монахом, рукополагается в священный сан и возводится в игуменское достоинство по уставу, действующему и в общежительных монастырях. По обычаю, при вручении новоизбранному игуменского жезла, пред ним произносится одним из членов синаксиса речь, в коей новому игумену внушается, чтобы он чтит проэстосов. Но в идиоритмах игумен недолго остается у власти, даже и номинальной; чрез несколько дней по избрании, он канонически отказывается от игуменского звания, получает наименование проигумена, т.е. бывшего игумена, и опять вступает в среду проиस्ताменов, к которой принадлежал и до игуменства. Примечательно, что игумен и проигумен могут и не входить в состав священного синаксиса, который состоит только из избранных проиस्ताменов, оказавших монастырю важные услуги в течение многих лет или отличающихся крупными личными достоинствами. Избираются в идиоритмах и так называемые дикеи, на которых возлагается обязанность принимать приезжающих в обитель почетных гостей и вообще содействовать двум епитропам в общем служении монастырю. Но и дикею в действительности принадлежит только номинальная власть. В идиоритмах монахи живут отдельно и обособленно друг от друга, не имея ни общей трапезы, ни общего имущества. Каждый из иноков добывает себе средства содержания личными своими трудами. От монастыря они могут получать только хлеб и овощи. Монахам разрешается иметь и собственное имущество, на доходы с которого большинство из них и живет. Но только проиस्ताмены могут иметь какую либо значительную собственность, движимую или недвижимую (сады, огороды), последнюю даже в пределах монастыря. Многие из них владеют большими средствами и живут в особых монастырских помещениях, как в собственных домах, имея своих послушников и слуг. При жизни проиस्ताмены могут распоряжаться своими имуществами по личному усмотрению, а после смерти их собственность переходит в пользование монастыря. В настоящее время к

идиоритмам принадлежат следующие восемь монастырей: лавра святого Афанасия, Иверский, Пантократор, Ватопед, Хиландар, Дохиар, Ксиропотам и Филофея.

Афонские монастыри, по внешнему своему виду, похожи на крепости: толстые каменные стены, узкие окна, башни с амбразурами, массивные железные ворота, постоянно охраняемые опытным портарем, который без разрешения монастырских властей не позволяет входить внутрь обители никому из посторонних, – все это осталось в наследие от прежних времен, как византийских, когда Афон неоднократно подвергался набегу арабов и морских разбойников, так и турецких, когда монахи, наравне с прочими христианами Турецкой империи, не без основания принимали все меры предосторожности в отношении к фанатичным своим победителям.

§ V

После монастырей второе по значению место в ряду иноческих учреждений на Афоне принадлежит скитам. Скит есть иноческая община, состоящая из множества монашеских келлий, или аскитирий, расположенных на земле какого-либо из больших афонских монастырей. Центром этой общины служит кириакон, т.е. соборный храм, и расположенная близ него главная калива скита, в коей живет дикей, т.е. настоятель скита, избираемый всем братством. Он управляет скитом при помощи двух епитропов и нескольких соборных старцев. Управление выражается в упорядочении дел, касающихся общего положения скита, в примирении несогласий, возникающих между келлиями, и особенно в заботах о соборном скитском храме.

Но высшее управление келлиями, а равно и целым скитом, принадлежит тому монастырю, на земле которого скит расположен. В этой зависимости и заключается главное отличие афонских скитов от монастырей. Скит имеет право принимать в состав братства новых членов, но приглашать епископа для рукоположения достойных лиц в священные степени без разрешения своего монастыря не имеет права. Без разрешения того же монастыря скит не имеет права ни ремонтировать свои здания, ни производить новые постройки и вообще какие бы то ни было сооружения. Количество и род рабочего скота точно определяется монастырем. На своем участке земли, приобретенном по купчей, скит не имеет права производить ломку камня, извлекать глину и минеральные богатства без особого на то разрешения монастыря, а также и рубить деревья, насаженные хотя бы своими иноками. Монастырь взыскивает с иноков, живущих в скитах на его земле, подушную подать, идущую в пользу турецкого правительства, и специальный налог, назначаемый центральным управлением Афона, на покрытие расходов по управлению горы и на внутренние ее нужды, он же признает и утверждает нового дикей и епитропов, избираемых братством. В свою очередь, монастырь обязывается защищать интересы скита, как свои собственные, оказывать покровительство, поддержку и помощь всякий раз, когда скит будет в том нуждаться, и ни в каком случае не может изгнать братство скита из уступленной ему обители. Монастырь же пользуется правом умиротворять внутренние раздоры в скитах и решать разного рода недоумия и затруднения, когда власть дикей и соборных старцев оказывается недостаточной. Все взаимные сношения и обязательства, все права скита и

порядок его внутренней жизни регулируются специальными договорами и грамотами, составляемыми по соглашению кириархального господствующего монастыря с подчиненным ему скитским учреждением. Эти грамоты, для большей безопасности и официальности, доводятся до сведения центрального управления Святой горы и утверждаются константинопольским патриархом, который по этому случаю издает особые сиилли². Договоры монастырей со скитами могут, по взаимному соглашению, обновляться и дополняться. И скиты по своему устройству разделяются на идиоритмы, или штатные, и киновии. Ныне на Афоне существует тринадцать скитов, из них семь населены греческими монахами (святой Анны, Кавсокаливский, святого Димитрия, Иоанна Предтечи, святого Пантелеймона, Новый и Благовещенский или Ксенофонта), три – русскими (Андреевский, Ильинский и Фиваида), два – молдавскими (Лаккос и святого Предтечи) и один – болгарскими (Богородицы). Большинство из них принадлежат к идиоритмам, но русские скиты устроены по типу киновий; из последних скиты Андреевский и Ильинский по внутреннему своему благоустройству, богатству и обилию иноков стоят наравне с монастырями.

§ VI

К иноческим учреждениям на Афоне относятся также келлии. Келлия представляет небольшой монастырек, расположенный на земле одного из главных афонских монастырей или на территории святогорского городка Карей, уступленной по особому условию (ομολοϋα) живущему в келлии братству. Обыкновенно во главе келлии находится геронт-старец, на имя которого написана омология, и который признается законным владельцем келлии, ответственным пред монастырем за точное и правильное исполнение договорного условия. От него монастырь получает определенную денежную плату за келлию и правительственный сбор по числу живущего в ней братства, к нему же обращается и афонский кинот всякий раз, как возникают вопросы и дела, касающиеся всех святогорских монахов. Геронт является и настоятелем келлии, руководителем в нравственной жизни и духовным отцом живущего в ней братства. Каждый геронт имеет и свою синодию, то есть учеников и последователей, в числе двух. Эти два члена синодии обыкновенно вносятся и в монастырскую омологию, с обязательной припиской, что, в случае смерти геронта, права собственности на келлию переходят к старшему его ученику, который и становится во главе братства, с достоинством геронта; младший член синодии делается ближайшим помощником геронта, а на его место избирается новый брат, имя которого также вносится в новую редакцию омологии. Таким образом, по установившемуся издавна на Афоне обычаю, каждая келлия должна иметь налицо трехчленную синодию, с правом преемственной передачи келлии из поколения в поколение, при условии известного денежного взноса (обыкновенно – одной трети стоимости келлии) в пользу монастыря.

Но в последнее время, вследствие большого стечения на Афоне любителей иноческого любомудрия, в келлиотской практике произошла перемена. Монастыри уступают принадлежащие им келлии во владение только трех лиц, без права внесения в омологию новых членов синодии и без права преемственного перехода келлии от старца к его ученикам. Отсюда происходит, что в момент смерти последнего старца у него не оказывается законных наследников, и келлия переходит в собственность монастыря, на земле коего она находится. А с другой стороны, при возобновлении омологий, в случай смерти одного из членов синоды и вступления в ее состав нового брата, монастыри стали теперь представлять различные затруднения, с целью ускорить возвращение келлии во

владение монастыря. Не говорим уже о том, что стоимость келлии возросла в высшей степени и считается ныне в десятках тысяч рублей.

Внутренняя жизнь келлий устраивается по усмотрению и желанию геронта, без всякого вмешательства со стороны кириархального (главного) монастыря. Большинство келлий живет по уставу общежительному, который заимствуется ими от лучших афонских киновий. Число иноков в келлиях бывает различно. Лишь немногие из них ограничиваются штатом в 3–4 человека, но имеются и такие келлии (русские), в коих живет от 20-ти до 100 иноков. Разумеется, кириархальные монастыри неодобрительно относятся к чрезмерному росту келлиотского иноческого населения и различными средствами задерживают его, но в тех келлиях, где иноческий устав соблюдается во всей полноте, и геронт является истинным выразителем монашеских идей, братство беспрепятственно доводится до такого количества, какое келлия в состоянии содержать. И в других отношениях келлии являются ограниченными. Они обязаны ежегодно аккуратно и без отговорок уплачивать монастырю царские подати, около одной турецкой лиры (8 рублей 60 коп.) с человека. Геронт и синодия келлии должны быть покорными кириархальной обители, в точности соблюдать все местные обычаи и обязанности в отношении к ней и с готовностью приходить к ней на помощь, в случае надобности. Они должны обрабатывать землю вокруг келлии, улучшать и поправлять келлию, но не имеют права воздвигать новые и расширять старые здания келлии без предварительного на то согласия со стороны монастыря; обязываются также не расширять произвольно границ келлиотского участка. Келлиотам строго воспрещается отдавать в залог монастырскую омологию (документ), в противном же случае она считается недействительной. Им разрешается пользоваться дровами для отопления келлии, если таковые имеются в границах владений келлии, но воспрещается рубить какой бы то ни было строевой лес без предварительного на то разрешения со стороны монастыря. Если келлиоты не подчиняются заключенным с монастырем условиям, то кириархия имеет право побудить их без возражения продать келлию другому лицу, которое угодно монастырю, а в случае замедления в исполнении этого распоряжения монастырь может выселить собственников из купленной им келлии, даже без возврата суммы, уплаченной в монастырь при покупке. Иногда келлии продаются с аукциона, после предварительного, в течение трех недель, объявления об этом в центральном пункте Афона – городке Карее, и, разумеется, по распоряжению кириархального монастыря.

По статистическим сведениям 1902 года, на Афоне имеется 197

келлий, из них 148 принадлежат греческим монахам, 31 – русским, 5 – болгарским, 12 – румынским и одна – грузинским. Келлии расположены на землях только 15 монастырей, а в пределах остальных пяти монастырей (Зографского, Дохиара, Ксенофонта, Русского святого Пантелеймона и Костамонита) нет ни одной келлии. С внешней стороны, каждая келлия представляется для наблюдателя особым монастырем с большим центральным зданием, в коем расположен храм и помещения для братии, с садом, виноградником и полями вокруг здания, на которых там и сям виднеются работающие иноки; работы производятся и во дворе келлии, где находятся различные хозяйственные пристройки. Труд, составляющий послушание, сменяется общей молитвой, после коей – новые труды, по указанию и под надзором геронта. В некоторых келлиях (русских), имеющих до 100 человек братии, жизнь устраивается по примеру монастырей.

§ VII

От келлий нужно отличать каливы. Калива представляет отдельное небольшое здание на земле монастыря или скита, проданное геронту и одному его ученику, без права наследственной передачи другим; после смерти того и другого калива переходит в собственность монастыря или скита. Обыкновенно, калива меньше, беднее и дешевле келлии, не имеет в стенах своих храма, снабжена небольшим участком земли, с маленьким садом или огородом, населена только двумя лицами – геронтом и его учеником, которые живут трудами своих рук, или обрабатывая свой участок земли, или нанимаясь на работу в скитах и келлиях; многие каливы расположены в уединенных и малодоступных местах Святой горы и крайне бедны, а живущие в них каливиты проводят суровую иноческую жизнь; такие каливы называются аскетическими. Отношения каливы к монастырю или скиту, на земле которых она расположена, определяются омологией, которая по своему содержанию сходна с келлиотской омологией и ставит каливу в такую же зависимость от кириархии, в какой находятся и келлии. В 1902 году на Афоне существовало 469 калив, на землях двенадцати обителей (за исключением монастырей: Дионисия, Ксиропотама, Зографа, Дохиара, Каракалла, Филофея, Симоно-Петра и Костамонита). Из них 234 каливы принадлежат греческим монахам, 183 – русским, 5 – болгарским, 45 – румынским и по одной – сербским и грузинским монахам.

Келлии и каливы могут быть уступлены монастырем другому собственнику не путем продажи, а посредством пожизненной аренды, и в этом случай они называются кафисмами. При отдаче кафисмы в аренду, пишется омология на имя приобретающего лица, обязывающая его единовременно уплатить в кассу кириархального монастыря определенную денежную сумму (до 100 и более турецких лир), с правом пожизненно пользоваться кафисмой, но без права наследственной передачи, причем монастырь обязуется выдавать арендатору некоторые продукты для содержания, а арендатор обязывается являться на общие монастырские послушания, или же принимает на себя труд певчего, просфорника, хлебника и т.п. Обыкновенно в аренду сдаются келлии, расположенные вблизи монастырей. Иногда в них поселяются греческие архиереи, лишённые епархий или добровольно удалившиеся на покой, а также монахи, не принадлежащие собственно к святогорцам. Кафисм ныне на Афоне существует только 18, из них 15 населены греками, две –

румынами и одна – грузинами,

От каливитов нужно отличать сиромахов. Это – особый род афонских отшельников, которые не располагают почти никакой собственностью, живут по два, по три человека, а чаще по одному в естественных пещерах и землянках, а нередко и в лесу – под камнями или в дупле дерева, не страшась зноя и холода, подвергаясь всевозможным лишениям. Средства к жизни они приобретают рукоделием, выделывая ложки, крестики, четки, копаясь в огородах, собирая ягоды и травы, нанимаясь на поденную работу к келлиотам. Нередко они собирают и милостыню в монастырях, где получают одежду и обувь, сухари, хлеб и деньги. Раз в неделю сиромах причащается в храме ближайшего монастыря. Жизнь сиромахов – тяжелый подвиг. Многие из них живут в «вертепах и пропастях земных» скалистого ущелья Карулья, на северо-восточной стороне Афона. В свои пещеры они поднимаются при помощи каната или по веревочным лестницам, висящим над бездной и укрепленным на скалах ущелья; от одного взгляда на эти примитивные способы подъема и спуска у непривычного человека может закружиться голова. Карульские сиромахи очень редко оставляют свое неприступное жилище и все время проводят в молитве и трудах. Пища их весьма суровая – хлеб и трава, изредка и рыба, которую рыбаки кладут им в корзины, спущенные на веревках к морю; по субботам в эти корзины полагается милостыня и от соседних монастырей. Некоторые из сиромахов всю жизнь проводят в странничества, переходя с места на место, и лишь на смертном одре обретают успокоение и избавление от лишений всякого рода. Иные странники даже не имеют ни одежды, ни хлеба, в летнее время живут на горных вершинах, питаются травами и плодами, а зимою спускаются в зеленеющие долины Святой горы и здесь в пещерах или под камнем находят себе приют, пользуясь материальной поддержкой со стороны ближайших монастырей и келлий.

Далее, на Афоне расположены монастырские метохы, или усадьбы, с виноградниками, пахотными полями, лесами и т.п., в коих также живут иноки того или иного монастыря, занимающиеся здесь соответствующими работами и находящиеся в ведении и под контролем своей кириархии. Таков, например, метох Кромица, принадлежащий русскому, святого Пантелеймона, монастырю³.

Наконец, в центре Афона расположен монашеский городок Карея. Здесь постоянно живут антипросопы (представители) двадцати афонских монастырей, составляющие центральное управление Святой горы, причем каждый из них имеет отдельное помещение, называемое конаком. Конак представляет небольшой монастырь, с храмом и келлиями для

антипросопа и его братии. Кроме конаков, принадлежащих монастырям, в Карее и ее окрестностях расположены многочисленные келлии и каливы, зависящие от тех монастырей, на земле коих они находятся. Карейские келлиоты и каливиты занимаются преимущественно ремеслами, продавая произведенные своими руками на местном рынке. Многие из них систематически занимаются торговлей и даже имеют собственные лавки. Некоторые лавки с предметами монашеского обихода принадлежат и мирянам, которые опять проникли на Афон, несмотря на недавнее запрещение патриарха константинопольского Иоакима Третьего. Ежегодно, с 16-го августа, в течение нескольких дней, в Карее бывает ярмарка, привлекающая многочисленных продавцов и покупателей, как из среды монахов, так и мирян (аргатов, или рабочих). В центре Карееи расположено здание протата – центрального управления Афона, с храмом в честь Успения Богоматери. Общее число зданий в Карее простирается до 120.

Во всех указанных иноческих учреждениях Афона в 1902 году монахов было 7.521, из них 3.207 греков, 3.615 русских, 340 болгар, 288 румын, 53 грузина и 18 сербов. К этому числу нужно присоединить до 180 рясофоров и послушников, а также до 2.500 мирян – торговцев, плотников, кузнецов, погонщиков скота и рабочих, так что общее количество обитателей Святой горы простиралось до 10.200 человек.

§ VIII

Все иноческие поселения святой горы Афонской составляют особую церковную общину, которая называется священным кивотом. Центральное управление делами священного Афонского кивота принадлежит особому учреждению, которое именуется священным синаксисом, т.е, собранием, или протатом. В состав священного синаксиса входят антипросопы или уполномоченные всех двадцати главных афонских монастырей, которые и имеют правильно ведущиеся, по делам Афона, заседания в города Карее, в здании протата. Все антипросопы имеют в сущности одинаковые права и голоса на заседаниях синаксиса и в решении дел. Преимущества и так называемые прономии, которыми владеют некоторые монастыри, имеют лишь формальное и уставное значение, нисколько не влияя на ход и решение протатских дел. По букве уставов, прономиями пользуются старейшие из двадцати афонских монастырей, а именно: Великая лавра святого Афанасия, монастыри: Ватопедский, Иверский, Хиландарский и Дионисиатский; эти монастыри составляют так называемую пентаду, из антипросопов коей и избирается председатель синаксиса, в отмеченной последовательности. Но при этом предпочтение всегда отдается антипросопу лавры, если он присутствует на заседании, – и председательство переходит к ватопедскому представителю лишь в том случае, если лаврский представитель отсутствует, а равным образом, только в отсутствие лаврского и ватопедского антипросопов председателем может быть антипросоп иверский и т.д. Когда на заседании нет ни одного из антипросопов пяти главных монастырей, то председательство могут взять на себя антипросопы и непрономияльных монастырей, но опять соблюдая чин и преемство, издревле установленные между монастырями общим уставом Афона. Срок служения монастырских антипросопов в протате продолжается один год, начиная с 1-го июня. В звание антипросопов избираются лица доброй нравственности, в почтенном возрасте, обладающие церковными познаниями, хорошо знающие греческий язык, опытные, сведущие и вообще способные управлять монастырскими делами. Протат заседает три раза в неделю, решает дела большинством голосов, причем, в случае равенства, перевес дается голосом председателя; решение записывается в протокол, составленный на греческом языке, и подписывается всеми участниками заседания; отдельное мнение только тогда заносится в протокол, если оно поддержано тремя антипросопами.

Являясь на общие заседания три раза в неделю, священный синаксис в остальные дни имеет в протате особую уполномоченную комиссию, которая называется епистасией, ведает текущие монастырские дела, подготавливает их к рассмотрению в общем заседании антипросопов и приводит в исполнение протатские решения. Епистасия состоит из четырех членов, которые по порядку избираются от всех монастырей, с таким расчетом, чтобы в течение пяти лет каждый монастырь имел в протате своего епистата; кроме того, в епистасии всегда присутствует один из уполномоченных пяти старейших, указанных выше, монастырей, который получает наименование первого епистата и является фактическим председателем не только епистасии, но и всего священного синаксиса. Протепистат формально созывает и открывает заседания протата, представляет на рассмотрение и обсуждение дела, занимая в зале заседаний первое место, в некотором отдалении от других членов, вместе с которыми сидят и остальные три епистата, и держа в руках посох, называемый бастуни, на серебряной рукояти коего выгравированы имена всех двадцати Афонских монастырей. Фактическая власть протепистата выражается и в исполнении решений священного синаксиса, и в осуществлении, совместно с остальными тремя епистатами, текущего протатского делопроизводства. Ни один официальный документ не может быть им подписан без ведома остальных епистатов, равно и печать, коей владеет священный кинот Афона (с изображением Богоматери и надписью кругом: «печать протата кинота святой горы Афонской»), не находится в единоличном распоряжении протепистата, но разделена на четыре части, по числу членов епистасии. Епистаты назначаются с 1-го января каждого года. Часто бывает, что с обязанностью епистата соединяется и участие в священном собрании в качестве антипросопа того или иного монастыря; возможно и совмещение в одном и том же лице обязанностей и протепистата, и председателя синаксиса. Равным образом, одно и то же лицо бывает антипросопом от двух монастырей; в этом случае оно имеет и двойной на заседаниях голос. Антипросопы и епистаты не получают из священного кинота никакого жалованья, содержатся на счет своих монастырей и живут в монастырских конаках на Карее. Лишь 31-го мая каждого года, по окончании годовой сессии протатских заседаний, протепистат дарит каждому из отслуживших свой срок членов протата по одной турецкой лире из сумм кинота; в тот же день устраивается и братская трапеза с участием всех членов протата. В протате состоят на жалованье и два секретаря (первый и второй), не принадлежащие к антипросопам и не имеющие права голоса на заседаниях.

Протату принадлежит власть административная, законодательная и судебная в отношении ко всем иноческим учреждениям Афона. Но эта власть имеет характер нравственный по преимуществу, а не внешне-принудительный. Ни одно административное или судебное определение священного синаксиса не обязательно для кириархального монастыря, если последний добровольно и свободно не пожелает принять его, будет ли это определение касаться частного монастыря, или всей горы Афонской. И во внутреннюю жизнь и управление монастырей протат может вмешиваться лишь по желанию самих обителей, так как каждая из них – ставропигиальна и независима в своем внутреннем управлении. Это вмешательство должно проявляться в духе мира и любви, клониться к общей пользе Святой горы и сначала иметь характер частный, в форме простого увещания, совета, наставления. Лишь в том случае, если частные меры не воздействуют, дела восходят на рассмотрение священного синаксиса, который, в качестве первой инстанции, и делает свое постановление. Монастырь, если не согласен с этим постановлением, может опротестовать его пред константинопольским патриархом или пред светским турецким судом в Фессалонике (если дело относится к гражданскому судопроизводству). Но и сам священный синаксис может просить содействия константинопольского патриарха, если бы какой-нибудь монастырь учинил дела, вредные интересам других монастырей или всей Афонской горы. Судебные дела, возникающие между келлиями и скитами, принадлежащими одному и тому же монастырю, рассматриваются этим последним, а если келлии и скиты принадлежат различным монастырям, тогда дело восходит на обсуждение священного синаксиса.

§ IX

Высшая церковная власть над Афоном юридически принадлежит константинопольскому патриарху. Подобно остальным ставропигиальным монастырям, находящимся в пределах константинопольской церкви, и монастыри Афонские, как царские и ставропигиальные подчинены духовной юрисдикции вселенского патриарха и на богослужениях поминают его имя, как архиепископа Константинополя. Все они, в подтверждение своих ставропигиальных прав, получают от патриарха особый документ, называемый сигиллием. Священный синаксис и отдельные монастыри, в случае спорных судебных дел и недовольства их решением, имеют право апеллировать к патриарху. Равным образом, и сам патриарх, когда до него доходят известия об уклонении монастырей и монахов от уставов Святой горы, имеет власть посылать на Афон сигиллии и окружные послания, с целью устранения и изгнания зла и непорядков. В этих случаях священный синаксис обязан распространять патриаршие предписания по всей горе Афонской, чрез посредство главных монастырей. Когда на Афоне возникают крупные разногласия и судебные дела, вселенский патриарх имеет власть отправить сюда своего экзарха для расследования дела на месте; священный синаксис должен оказать патриаршему уполномоченному свое содействие в исполнении данного ему поручения. В том случае, когда протат имеет нужду обратиться с прошением к турецкому правительству, он делает это чрез посредство патриарха, который и представляет Порте афонский акт вместе со своим докладом. Равным образом, когда тот или иной афонский монастырь имеет нужду послать за границу своего уполномоченного инока для сбора добровольных пожертвований, то и это он делает с разрешения патриарха.

Патриарху по уставу принадлежит также право утверждения вновь избираемых игуменов монастырей. Но в действительности это право применяется в самой ограниченной степени. Прежде всего, игумены теперь существуют лишь в общежительных монастырях Афона. Затем, они обыкновенно избираются всем монастырским братством, в присутствии и антипросопов – членов протата; избрание доводится до сведения протата, который и удостоверяет правильность совершившегося акта, посредством составления особого протокола; после этого в монастыре происходит обряд вручения новоизбранному игуменского посоха, а затем вновь избранный фактически уже вступает в отправление своих обязанностей, не ожидая утверждения со стороны патриарха, которому лишь дается знать о

совершившемся факте, с обычным формальным предложением признать его законным и каноническим. Протест патриарха против избрания игумена может состояться лишь по просьбе братии монастыря, а равным образом и низложение монастырского игумена может совершиться патриаршей властью только по желанию братии. В монастырях штатных, в коих административная власть сосредоточена в руках целого собора проэстосов, патриаршая юрисдикция применяется еще в меньшей степени. Да и вообще, взаимные отношения между патриархом и афонским кинотом недостаточно ясно определены в святогорском канонисме, а действительность, в свою очередь, по временам весьма резко расходится с параграфами устава. Все дело в личности патриарха, занимающего, в то или иное время, вселенский престол. Бывали случаи, и в недавнее время, когда священный синаксис не позволял патриаршим экзархам вмешиваться в его дела, ссылаясь на свою независимость, унаследованную от времен древних, византийских.

С церковной независимостью Афона находится в согласии и некоторая гражданская его независимость, основывающаяся на правах, данных турецким правительством. Порта, в силу исключительного назначения Афона и отдаленного его положения от правительственных центров, относилась к нему сравнительно благосклонно, тем более, что афонские монастыри всегда были аккуратными плательщиками правительственных податей. Ныне на Афоне живет, в качестве представителя турецкой власти, каймакам или уездный начальник. Главная его обязанность состоит в собирании поголовной подати с монахов, в количестве одной турецкой лиры (8 рублей 60 коп.) в год с каждого инока, так как все афонские монахи, к какой бы национальности ни принадлежали, считаются подданными султана. Эта подать есть и единственная, так как монахи не платят ни земельных повинностей за обработку участков, находящихся на Афоне⁴, ни таможенных сборов, если привозимые из-за границы предметы назначаются на нужды монастыря, а не для продажи. Каймакам не имеет права вмешиваться, без согласия афонского протата, ни в какие святогорские дела. Когда возникает между монахами какое либо разногласие, преимущественно на почве владения землей и келлиями, то каймакам лишь в том случае может принять участие в деле, если приглашается священным синаксисом. Притом, и в таких случаях его участие выражается в нравственном, а не в полицейском воздействии на враждующие стороны. Каймакам имеет право также посещать монастыри, скиты и келлии, но опять с ведома протата, если это посещение связано с каким либо официальным делом. Обыкновенно, его

сопровождает в таком путешествии и один из членов протата. Каймакам не пользуется правами и полицейской власти, которая вверена особым жандармам, так называемым сирдаридам, в числе 24-х человек; сирдарида избираются из христиан, содержатся на средства монастырей и находятся в зависимости от протата, по распоряжению коего и исполняют свои обязанности.

Таким образом, Афон представляет, в сущности, свободную монашескую республику или союз многих монастырских общин, независимых в своей внутренней и внешней жизни и пользующихся правами самоуправления, составляющих, и в целом своем составе, автономное иноческое общество, управляемое своими выборными представителями, почти совершенно независимо от высшей церковной власти константинопольского патриарха и вне всякого административного и полицейского контроля со стороны турецкого правительства.

Как автономная церковная республика, Афон имеет и своих особых представителей, или антипросопов, в Константинополе и Фессалонике, на которых возлагается обязанность отстаивать интересы афонского кинота пред церковною и гражданскою властями и заботиться о пользе и благе священного кинота. Эти антипросопы избираются священным синаксисом из наиболее достойных и способных афонских иноков, но официального признания со стороны турецкого правительства не получают. Афонский антипросоп, живущий в Константинополе, признается в этом звании со стороны вселенского патриарха и чрез его посредство защищает пред Портой права и интересы Святой горы. Антипросоп в Фессалонике, главном городе гражданского округа, к которому принадлежит и Афон и в котором возникают и решаются многие афонские дела, постоянно входит в соприкосновение с турецкими властями, но опять неофициально, получив лишь признание со стороны Фессалоникийского митрополита, от которого он, однако, не зависит. Кроме этих главных антипросопов, каждый монастырь имеет своих частных представителей и епитропов в метохах и подворьях, которые им принадлежат в Турции и России; эти епитропы зависят от монастырей, которые их назначают, и отдают им, а не священному синаксису, отчет в своей деятельности; иногда они избираются из мирян тех сел и городов, в которых находятся монастырские владения.

Итак, в целом мире нет другого, подобного Афону, учреждения. Здесь все своеобразно и оригинально, не только в устройстве и управлении, но и в самой жизни, которая всецело посвящена свободному развитию человеческого духа, в строгом соответствии с основными его запросами и

стремлениями и в согласии с требованиями Евангелия.

§ X

Жизнь монахов на Афоне посвящена исключительно православной церкви и проводится, главным образом, в молитвах и торжественных церковных богослужениях. Ежедневно, в определенные часы, по первому удару колокола, иноки, как равные между собой братья и друзья, собираются в святой храм и проводят здесь большую часть дня и ночи в прославлении и благодарении Господа. Уже в самую полночь, несколькими ударами в колокол, иноки пробуждаются от сна для совершения келейного правила, которое для монахов великой схимы, как произнесших самые строгие обеты иночества и достигших более высокого нравственного совершенства, заключается в 1.200 поясных и 100 земных поклонах, а для простых иноков и послушников – в меньшем количестве таких же поклонов. Вслед затем совершается утренняя, которая и заканчивается с восходом солнца, так что начало каждого дня встречается иноками в молитве и прославлении Господа. По окончании утрени, дается небольшой отдых. В это время открываются и монастырские ворота, обыкновенно запирающиеся на целую ночь, и в монастырь получают доступ и те иноки, которые живут вне обители, в отдельных келлиях, а также и посторонние лица. В шестом или седьмом часу утра совершается литургия, за которой присутствуют все иноки обители. Литургия исполняется весьма торжественно, собором священнослужителей, при полном хоре монастырских певчих. За литургией иноки причащаются, соблюдая известную очередь, но многие из них приступают к св. причащению еженедельно. И вот, в конце литургии в монастырских храмах наблюдаются умиленные зрелища: сонмы подвижников, благоговейных и проникновенных, коленапреклоненно молятся и испрашивают взаимно прощения, лобызают св. иконы и мощи и с верою, любовью и страхом Божиим приступают к великому таинству. По окончании литургии, все получают антидор из рук настоятеля и с благоговением и молитвой выходят из храма. В тех монастырях, в которых братия многочисленна и имеется несколько храмов, ежедневно совершается несколько литургий. Так, в русском монастыре св. Пантелеймона каждый день служитя до 25-ти литургий в многочисленных храмах этой громадной обители. После литургии, если случится вторник, четверг или суббота, монахи идут в общую трапезу и здесь, в присутствии игумена и почетных старцев обители, все вкушают одинаковую пищу, состоящую преимущественно из овощей, плодов и

рыбы и предлагаемую в умеренном количестве, соблюдая полное молчание; в это время один из братии, по назначению игумена, читает вслух присутствующих жития святых или творения отцов церкви. Это чтение, благоговейное и душеспасительное, сонм подвижников, молчаливых и проникновенных, самая обстановка монастырской трапезы, со стен коих взирают на присутствующих лики многочисленных угодников Божиих, на Афоне прославившихся, – все это напоминает о тленности и ничтожности телесных потребностей и указывает на необходимость питаться духовной пищей – словом Божиим... После трапезы совершается общая молитва. В упомянутые дни монахи в таком же порядке собираются в трапезу и вечером. В остальные же дни недели, т.е. в понедельник, среду и пятницу, монахи, после божественной литургии, ничего не едят, но идут в трапезу уже около полудня, по окончании особого богослужения, – так называемого параклисиса, вечером же вовсе не вкушают пищи, соблюдая пост до полудня следующего дня. В воскресные и праздничные дни они бывают в трапезе дважды. Вечером монахи совершают обычные богослужения, сперва вечерню, а после – повечерие, по окончании коего идут в свои келлии на покой, но пред сном опять обязаны совершить келейное правило.

Накануне двенадцатых праздников, а также в дни храмовых праздников в монастырских церквях совершаются и всенощные бдения – в буквальном смысле этого слова. Они начинаются в восемь часов вечера и непрерывно тянутся часов до шести утра. Всенощные богослужения исполняются весьма торжественно. Около восьми часов пополудни, искусный еkkлисиарх, надевши иноческую мантию, сначала на ручном биле, называемом „током“⁵, выбивает трель, трижды обходя при этом, с известной расстановкой, соборный храм, затем ударяет в «древа тяжкая»⁶, после звонит в „клепало“⁷, а в заключение раздаётся колокольный звон, заканчиваемый трезвоном „во вся кампаны“. Все монахи по этому призыву должны явиться в церковь. Богослужение обыкновенно совершает сам игумен монастыря, с собором иеромонахов и иеродиаконов. Он же, совместно с типикарем, наблюдает в киновиях за ходом богослужения, а в идиоритмах – один типикарь. Богослужение совершается по рукописным афонским типиконам и богослужебным книгам, при участии «доброгласных» певцов, великих знатоков своего дела. Постоянное чередование пения с чтением, во время которого полагается и отдохновение в стасидиях⁸, переходы от напевов унисонных и тягучих к сильным и игривым, смена полумрака, в котором люди кажутся теньями, морем огней, возжигаемых моментально во всех паникадилах и лампадах с

качанием в разные стороны центрального паникадила или хороса, дающего замечательную игру света, замена очередных иеромонаха и иеродиакона на выходах целым собором священнослужителей в блестящих облачениях с золотыми крестами, с ковчегами для ладана на плечах и т.д., все это делает афонское бдение полным живого интереса и производит на паломника-мирянина сильное впечатление и истовым исполнением устава, и своею торжественностью, и проникновенным молитвенным настроением всего собрания подвижников, так что после одного присутствования за таким богослужением невольно является желание вновь принять участие в целонощном монастырском молении. Наконец, в большие праздники после полудня служатся торжественные панихиды о скончавшихся ктиторах и благодетелях монастыря.

Таким образом, большую часть дня и ночи афонские монахи посвящают молитве в храме и келлиях, а остальное время идет на отдых, преимущественно же на послушания. В общежительных монастырях, скитах и келлиях все монахи имеют какие-либо послушания в виде определенных занятий, физических или интеллектуальных. Они работают в садах, огородах, кузницах, столярных и иконописных мастерских, на морских парусных судах и т.п., иные исполняют обязанности по надзору и украшению монастырских храмов, другие наблюдают за монастырской библиотекой, списывают рукописи для пополнения ее, некоторые занимаются канцелярскими работами и т.д. Вообще, в киновиях нет ни одного праздного монаха, все они так или иначе несут труды не только для личного спасения, но и в пользу своей обители, для внешнего или внутреннего благополучия своих собратий. Обычным занятием афонских иноков является и чтение и изучение священного писания и творений святых отцов церкви. В науках богословских некоторые из иноков достигают замечательных познаний, так что вызывают истинное удивление со стороны и специалистов. Имеются среди них и питомцы университетов и духовных академий, бывшие врачи, юристы, естественники, коих невзгоды мирской жизни или искание высших идеалов заставили покинуть мир и, вдали от его соблазнов и бурь, найти себе тихое пристанище. И они несут киновиям свою пользу, исполняя послушания соответственно специальным своим познаниям. Имеется на Афоне и школа для молодых иноков, приготавливающих к прохождению священных степеней. Она помещается на Карее, содержится на общие средства афонских монастырей и находится под руководством опытных педагогов из иноков. В среде ее питомцев находятся и русские монахи. Но курс нынешней афонской школы (αθωνίας σχολη) значительно уступает

программе знаменитой ватопедской школы конца XVIII и начала XIX века, от которой ныне, к сожалению, остались одни развалины. В виду этого, некоторые монастыри посылают своих молодых иноков для обучения в Константинополь и Афины, а иногда и в Россию.

Вообще иноки Святой горы, удаляясь сюда, ищут прежде всего спасения собственной души, бегут от всех соблазнов и прелестей суетного мира, а больше всего от величайшего мирского соблазна – женщины. Древние подвижники Афона установили не допускать в монастыри безбородых юношей, свежестью лица и голосом напоминающих подвижникам соблазнительный лик женщины, а позднейшие анахореты потребовали удаления с их глаз даже животных женской половины и всего, что так или иначе может напоминать о женщине. Как «назореи», афонские иноки не стригут своих волос, но и не распускают их по плечам и спине, дабы не подать повода слабейшим из них к соблазнительным помыслам, а должны прятать их под подрясник или же подбирать на голову под клобук.

Посвящая свою жизнь молитве и богоугодным занятиям, находясь вдали от мира и его прелестей, среди простой и суровой обстановки, под постоянным контролем и наблюдением опытных в духовной жизни руководителей и старцев, никогда не видя и лица женщин, афонские иноки иногда достигают высокого нравственного совершенства. Среди них и теперь имеются подвижники, воспринявшие дух древнего старчества, строгие постники и ревностные молитвенники, как бы совсем стряхнувшие с себя чувственную оболочку тела, удостоенные дара прозорливости, мудрые знатоки человеческой души, опытные руководители в жизни нравственной. Пребывание с ними умиляет душу и врачует душевные раны, а беседа обогащает мудрыми познаниями в деле нравственного совершенства. Все у них направлено к одной цели – вечному спасению, вся жизнь есть сплошное служение Богу и ближним. Их заботы о благе других выражаются в постоянных нравственных наставлениях и советах, в личном примере, обаятельно действующем на окружающих, в духовном свете, благотворно озаряющем и ближайшую иноческую среду, и тех посетителей Афона, коим Господь судил на короткое время приблизиться к этим ярким светильникам добра и правды, столь необходимым в наше практическое и меркантильное время.

Но историческая справедливость требует сказать, что, с другой стороны, на Афоне живут и такие иноки, которым здесь не место, которые, и удалившись от мира, не порывают окончательно с ним связей и вносят мирские элементы в совершенно чуждую им обстановку и среду. Мирское

начало стало проникать на Афон преимущественно в последнее время, когда особенно усилился рост здешнего монашества, и когда, по недостатку наблюдения за мелкими монашескими учреждениями, в них стали проникать случайные любители иноческих подвигов. А затем, в монастырях штатных (идиоритмах), вследствие особого их устройства, исключаящего единство и силу власти и резко разделяющего братство на два класса – аристократов и плебеев, с правом жить по своему усмотрению, строгость жизни и подвигов много обесценивается личным произволом и слабостью, особенно вредными в деле нравственного совершенства. Так называемые проэстосы занимают в штатных монастырях по пяти, шести и даже десяти хороших комнат, имеют в банках или в сундуках свои большие деньги, одеваются в шелковые рясы, сидят в келлии на широкой турецкой софе, едят мясо в скоромные дни, а в постные – рыбу, являются представителями обители, ездят в Афины, Константинополь и т.д. Они не обязаны ходить на все церковные службы, подобно монахам киновии, свободны в выборе пищи, одежды, общества, могут по личному желанию обедать вместе, молиться, собираться для бесед и т.п. Вообще проэстосы идиоритмов больше похожи на богатых мирян, у которых набожность соединяется с любовью к роскоши и независимости, и очень мало – на монахов⁹.

§ XI

Стремление русских людей на Афон, как в высшую школу христианского подвижничества и благочестия, современно просвещению России христианской верой. Сохранились исторические известия, что и родоначальник русского монашества, преподобный Антоний Печерский, был учеником афонской иноческой школы, где он и воспринял идеалы аскетизма, пересадив их потом на русскую почву¹⁰. Путешествие преподобного Антония на Святую гору, конечно, не могло не возбудить в русских подражания и остаться бесследным, а, с другой стороны, и сами греки, бывшие нашими учителями в христианской вере, несомненно, познакомили благочестивых „руссов“ с главным у них очагом высокой религиозно-созерцательной жизни. Во всяком случае, теперь положительно известно, что в первой половине XI века, после 1043 года, русские уже имели на Афоне свой особый, с правами самостоятельности, монастырек, который слыл под именем „Богородицы Ксилургу“, с придаточным названием „монастыря руссов“, с храмом в честь Успения Богоматери¹¹. С течением времени, число русских подвижников на Афоне увеличилось, так что обитель Ксилургу оказалась для них тесной и не совсем удобной, вследствие ее отдаленности от моря, главной жизненной стихии Афона. В виду этого, русские иноки в 1169 г., чрез игумена своего, Лаврентия, обратились в центральное управление Афона с просьбой – дать им одну из больших афонских обителей „ради ее устройства и своей пользы“. Афонский совет игуменов, во главе с первым из них, или протом (прѠтос), зная усердие русских к обновлению и украшению монастырей и приложив к ним слова Спасителя: «добрый рабе и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю», «по долгом рассмотрении и общем разсуждении», решил «дать, передать и отдать» руссам монастырь во имя святого великомученика Пантелеймона, называвшийся еще обителью Фессалоникийца. При своем решении они имели в виду, что эта обитель, «если и была в старину многолюдна и имела первенство между второстепенными, как по обширности, так и по блеску, но ныне кажется невидною, всеми признается и почитается как бы совсем не существующею по малочисленности монахов, от недостатка продовольствия и от распадаения ее стен и жилищ; да и то, что в ней кажется стоящим, предвещает совершенное падение и исчезновение». Тем не менее, русский игумен Лаврентий был обрадован решением афонского собора. Когда же собор объявил ему, что он передаст обитель Ксилургу

другим монахам, то Лаврентий так взмолился пред ним: «невозможно отнять ее у нас и дать другому, ради того, что в ней мы постриглись и много потрудились и издержались над ее охранением и устройением, и что в ней скончались родители и сродники наши, которые содержали нас и давали нам средства жить». Собор рассудил оставить за русскими и обитель Ксилургу, с тем, впрочем, условием, чтобы она была и называлась не подворием, а монастырем, и чтобы в ней жили монахи и эконо́м. Составленным тогда же (1169 г.) по этому поводу актом, который подписали прот и игумены двадцати семи афонских монастырей, навсегда укрепилась за русским братством обитель святого Пантелеймона¹². С того времени русские иноки навсегда получили права гражданства в свободной и великой «пустыне святого Афона».

Но в последующее время, вплоть до конца XV века, вследствие угнетавшего Россию монгольского ига, тяжелых внутренних смут и междоусобиц русских князей, наши соотечественники на Афоне имели сравнительно мало сношений с родиной, от которой они лишь изредка получали и необходимую для них материальную помощь. Тем не менее, русское иночество, и в этот смутный период русской истории, не иссякло на Афоне и продолжало сохранять свою национальную обособленность от других насельников Святой горы, стекавшихся сюда со всех концов мира. Почти исключительными благодетелями русской афонской обители в этот период были единовѣрные нам сербы, во главе со своими благочестивыми и щедрыми царями, которые и приняли ее под свое могущественное покровительство и оказывали богатую материальную помощь. В XV веке сношения России с Афоном начали оживляться, а число русских иноков постепенно увеличивалось... Русский монастырь пользовался милостыней от князей – Иоанна III Васильевича, Василия Иоанновича, взявшего его и под свое покровительство, от царей Иоанна Васильевича Грозного, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и других¹³. Но в первой половине XVIII века, вследствие русско-турецкой войны 1735–1739 годов, русские иноки на Афоне подверглись гонению; одни из них совсем были вытеснены отсюда, а другие удалились в пустынные и уединенные келлии. Обитель святого Пантелеймона совершенно была оставлена русскими насельниками и передана во власть греческих монахов (1735 г.). Греки, овладев русским монастырем, упразднили здесь общежитие и ввели идиоритм. Некоторое время греки пользовались денежной милостыней от молдавских и валахских господарей, которые избирались из аристократических греческих фамилий фанариотов¹⁴, но в конце XVIII века монастырь святого Пантелеймона, вследствие влияния

всесокрушающего времени и недостаточной попечительности со стороны греков, пришел в упадок и нуждался в капитальном ремонте. Тогда греки решили оставить этот монастырь, называвшийся «Нагорным, Старым Руссиком», и переселились в небольшой монастырек во имя святого Пантелеймона, расположенный на земле первого, в расстоянии трех часов пути, на берегу моря и возникший в конце XVII века. Это переселение совершилось около 1770 года и было весьма знаменательно в истории русского монашества на Афоне, так как именно на месте этого прибрежного монастырька, совершенно заброшенного и малоизвестного, и возник знаменитый ныне русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеймона.

§ XII

Поселившись в «Новом, приморском Руссике», греческие монахи и здесь не пользовались вожделенным благополучием. Введенный в обители идиоритмический образ жизни принес в иноческий строй упадок дисциплины и материального благосостояния, вызвал внутренние беспорядки и неурядица, которые сильно тормозили правильное и мирное развитие обители. И вот, русский Пантелеймоновский монастырь постепенно пришел к полному обнищанию и разорению. Бедность обители была так велика, что ему в афонском городке Карее не было доверия даже на двадцать пиастров (= 1 руб. 60 коп.). В виду этого афонский протат решил в 1803 году совсем исключить русский монастырь из числа двадцати главных афонских обителей, принадлежавшие ему земли продать для уплаты лежавших на монастыре больших долгов, а излишек денег употребить на общие нужды всего Афона. Но этот суровый приговор, к счастью для русских, был опротестован тогдашним константинопольским патриархом Каллиником, который по этому поводу издал замечательную грамоту, предписав ввести в монастыре общежитие и обязав афонский протат принять меры к восстановлению обители, так как, по мнению патриарха, было нетактично и неполитично упразднить на Афоне русский монастырь в то время, когда Россия мудрой политикой императрицы Екатерины II и своими победоносными войнами с Турцией приобрела решающее влияние на судьбу восточных христиан. Игуменом русской обители был назначен греческий иеромонах Савва, который ревностно и занялся ее благоустройством. При материальном содействии великого драгомана Порты, князя-фанариота Скарлата Каллимахи, игумен Савва около 1814 года возобновил соборный храм, келлии для братии и разные монастырские постройки.

В 1821 году, во время греческого восстания, Скарлат Каллимахи был казнен по подозрению в измене, а вскоре от огорчения и старческих недугов скончался и игумен Савва, на 103-м году от рождения. Для обители наступило тяжелое время. Бедствия эпохи сильно отразились на ее положении, еще не установившемся и не упрочившемся. Постройки монастыря еще не были окончены и требовали больших расходов, а притока пожертвований со стороны совсем не было. Монастырь, наравне с остальными афонскими обителями, был турками обложен военной контрибуцией за участие в восстании и нес повинности по содержанию введенного на Афон турецкого гарнизона. Средства монастыря иссякли,

ему опять не было доверия на Карее, а многие иноки, во главе с игуменом-болгарином Герасимом, бежали, так, что в обители осталось лишь несколько старцев-греков, русских же не было ни одного. Только после заключения Адрианопольского мира в 1829 году в обитель стали стекаться греческие иноки; возвратился и игумен Герасим, странствовавший по южной Греции с некоторыми братьями в течение девяти лет и взявший с собою драгоценности и документы монастыря. Но восстановление обители и устройство монастырских дел по прежнему вызывали много затруднений, так как игумен не имел для этого необходимых денежных средств. И вот малочисленная и бедная братия Пантелеймонова монастыря, желая спасти его от совершенной гибели, решила призвать к себе на помощь русских монахов, которые, после заключения между Россией и Турцией Адрианопольского трактата, в большом числе стали стекаться на Афон.

§ XIII

На первый призыв греков охотно откликнулся русский иеромонах Аникита, в мире князь С. А. Шихматов-Ширинский, живший в афонском Ильинском скиту. В 1835 году, он вместе с пятнадцатью другими русскими иноками, прибыл в Пантелеймоновской монастырь и был встречен здесь греками очень радушно. Русским дали церковь св. Иоанна Предтечи. Иеромонах Аникита деятельно принялся за монастырские дела и, между прочим, дал средства на устройство храма во имя святителя Митрофания Воронежского. Но пребывание его здесь было непродолжительно. В том же 1835 году он отправился на богомолье в Иерусалим, а после уехал в Афины, куда был назначен настоятелем русской посольской церкви. После его отъезда между греческими и русскими монахами возникли разногласия и споры, окончившиеся тем, что в 1836 году русские совсем оставили Пантелеймоновскую обитель и возвратились в Ильинский скит.

Удаление русских повлекло за собою еще большее обеднение Пантелеймоновского монастыря, поэтому греческие его иноки в 1839 году сделали новую попытку привлечь сюда русских насельников. На этот раз был приглашен иеромонах духовник Павел с несколькими русскими монахами, которые вышли из Ильинского скита вследствие возникших здесь беспорядков. Но Павел прожил в монастыре только восемь месяцев и скончался, оставив до семи тысяч рублей на улучшение монастырских дел. Опыт показал всю пользу привлечения русских в монастырь, и вот греки, по кончине Павла, решили опять найти себе сотрудников из среды русских иноков Святой горы. В 1840 году по их просьбе в Пантелеймоновском монастыре водворился иеромонах Иоанний, в схиме Иероним, оказавший громадные услуги русскому иночеству на Афоне и замечательный выдающимися своими аскетическими доблестями.

Иеромонах Иероним родился в 1803 году в купеческой семье Соломенцовых, в городе Старо-Осколе, Курской губернии, с юных лет почувствовал влечение к монашеской жизни, сначала жил в некоторых русских монастырях, а потом удалился в 1836 году на Афон, где и подвизался в келлии св. пророка Илии, близ Ставроникитского монастыря, под руководством опытного духовника, старца Арсения. Когда греческие иноки Пантелеймонова монастыря стали приглашать Иеронима перейти к ним, то он, любя уединение и страшась принять рукоположение в иеромонаха, с коим было связано это переселение, сначала решительно

отказался расстаться со своей келлией. Лишь убеждение старца Арсения, пред которым о. Иероним благоговел, заставило его склониться на приглашение. Он продал свою келлию, раздал имущество бедным русским инокам и с учениками переселился в Пантелеймоновский монастырь, где вскоре же был назначен духовником для русской братии. Иеромонах Иероним пользовался общим уважением и любовью не только со стороны русских монахов, но и греческих, так как обладал редкими нравственными качествами. Вот как характеризует его известный светский публицист-писатель К. Н. Леонтьев бывший русским консулом в Солуни и хорошо знавший выдающегося старца. «Это был, – пишет Леонтьев, – не только инок высокой жизни, это был человек более, чем замечательный. Не мне признавать его святым – это право церкви, а не частного лица, но я назову его прямо великим: человек с великою душою и необычайным умом. Родом из не особенно важных старо-оскольских купцов, не получивший почти никакого образования, он чтением развил свой сильный природный ум и до способности понимать прекрасно самые отвлеченные богословские сочинения, и до умения проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, бесстрашный, предприимчивый, сильный и осторожный в одно и то же время, глубокий идеалист и деловой донельзя, физически столь же сильный, как и душевно, собою и в преклонных годах еще поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных»¹⁵. «Отец Иероним был человек железной воли по преимуществу... К тому же он всегда до того был спокоен и невозмутим, что я, – продолжает Леонтьев, – имевший с ним частые сношения в течение года с лишком, ни разу не видел, ни чтобы он гневался, ни чтобы он смеялся, как смеются другие. Едва-едва улыбнется изредка, никогда не возвысит голоса, никогда не покажет ни радости особой, ни печали. Иногда только он немного посветлее, иногда немного мрачнее и суровее. А между тем он все чувства в других понимал, самые буйные, самые непозволительные и самые малодушные, понимал их тонко, глубоко и снисходительно. Все боялись его и все стремились к нему сердцем»¹⁶.

Вот в руки такого-то опытного духовника-старца, человека с сильным характером и редкой жизненной выдержкой, таланта-самородка, стоявшего целой головой выше всех его окружавших, Провидение и вверило судьбы русского Пантелеймоновского монастыря, доведенного до крайнего убожества и едва не вычеркнутого из святогорских обителей.

Нелегка была задача знаменитого старца, но он с честью ее выполнил. Прежде всего, вокруг него скоро собралось значительное число русских монахов, всецело вручивших себя его духовному водительству и согласившихся безусловно подчиняться строгой монашеской дисциплине, установленной в киновии. Затем, чтобы выйти из тяжелой нужды, обременявшей обитель, отец Иероним обратился с воззванием о помощи к русскому народу, получил разрешение отправить в Россию специальных сборщиков (в 1841 г.), старался упорядочить хозяйственную жизнь монастыря и в результате много сделал для обители и в этом отношении. Его трудами были устроены два храма – святителя Митрофания и Покрова Пресвятой Богородицы, долги монастыря постепенно стали уплачиваться, его имущество и постройки приведены в порядок, и вообще вся экономическая жизнь получила стройную и правильную организацию. Большая заслуга отца Иеронима состояла и в том, что он всеми мерами старался поддерживать согласие и единодушие между греками и русскими и устранять взаимные недоразумения всякого рода, считая это одним из существенных условий процветания монастыря¹⁷. Наконец, отец Иероним воспитал целую плеяду блестящих сотрудников и учеников, которые были деятельными помощниками этого замечательного старца, а по смерти его (14-го ноября 1885 года) продолжали трудиться и работать на пользу русской обители в духе и направлении своего авторитетного старца-духовника.

Ты – цвет Афона, ты – виновник
Других цветов в краю чужом,
Ты – первый опытный садовник
В цветущем Руссике твоём!

Так воспевал заслуги отца Иеронима один афонский инок-поэт¹⁸. Самым замечательным учеником и сотрудником отца Иеронима был архимандрит Макарий, игумен Пантелеймоновского монастыря.

§ XIV

Архимандрит Макарий, в мире Михаил Иванович Сушкин ¹⁹, происходил из богатой купеческой семьи города Тулы, родился 16-го февраля 1821 года, учился в частном пансионе и четырнадцатилетним мальчиком уже сделался «подручным» своего отца в коммерческих делах. Но аскетически настроенный юноша не соблазнился благами мира, которые открывались пред ним, в виду его молодости и богатства. В 1851 году он предпринял путешествие на восток с целью поклониться местным святыням, был в Константинополе, Палестине, Египте и на Синае. Это путешествие произвело на душу молодого Сушкина чарующее впечатление. В ноябре 1851 года он прибыл, наконец, на Афон, в русский монастырь, где вскоре же и испытал на себе обаятельное влияние необыкновенно симпатичного и умного аскета, духовника Иеронима, в лице которого пламенный юноша нашел именно то, чего долго и тщетно искал, – опытного старца-учителя, способного указать и вести по истинному пути аскетизма, в направлении к основной цели – вечному спасению. Ровно через год молодой Сушкин, по настойчивой своей просьбе и с согласия родителей, был пострижен в монахи и со всем пылом молодости и аскетического энтузиазма преданся иноческим подвигам, под руководством старца-духовника. Отец Иероним обратил на него особое внимание, так как прозревал своим умом будущие судьбы славной русской обители и в лице Макария желал приготовить такого деятеля, который впоследствии мог бы сильною рукой взять на себя кормило управления в постепенно возраставшем монастыре и искусно вести братию к нравственно-аскетическому совершенству. Школа отца Иеронима была в высшей степени последовательна и систематична и целым рядом искусств воспитывала волю аскета, отсекала страсти, воспламеняла сердце добрыми чувствами и создавала какое-то особенное, ангельское настроение. Сначала отец Макарий, в звании иеромонаха, был сделан (в 1856 г.) вторым духовником русских иноков Пантелеймоновского монастыря, а затем (1875 года) и игуменом, после довольно продолжительной и упорной борьбы русских иноков обители с греческими.

Эта борьба составляла один из важнейших моментов в судьбе русского монашества на Афоне и имела весьма важное в ней значение, которое не исчезло и до настоящего времени. Вот немногие фазы этого любопытного явления. Когда русские, во главе с отцом Иеронимом, поселились, по просьбе греков, в Пантелеймоновском монастыре то

последние вовсе не считали их равными себе, смотрели, как на пришельцев и рабов своих, обязанных за приют и стол работать на монастырь, подвергаться всяким лишениям и т.п. Нужды русских иноков и их малочисленность заставляли мириться с тяжелым положением. Но постепенно количество русских возросло до сотни, монастырь стал освобождаться от гнетущей финансовой нужды, благодаря денежным субсидиям из России, а высокомерие и надменность греческих монахов в отношении к русским проявлялись по-прежнему. Русским стоило большого труда добиться от греков права слушать чтение и пение в трапезе и храме по-русски или по-славянски в определенные дни недели, в соответствии греческому чтению и пению. Дело дошло до того, что в одну ночь греки нарисовали кинжал и пистолет на дверях келлий игумена Герасима и его помощника, иеродиакона Иллариона, благосклонно относившихся к русским, – ясно этим намекая на средства, коими они предполагали расправиться с руссофилами. Тем не менее игумен Герасим, находясь в глубокой старости и желая приготовить, на случай своей смерти, достойного себе преемника по игуменству, остановил свой выбор на отце Макарии, как человеке, выдающемся из среды других по уму и монашеским доблестям, и 15-го октября 1870 года объявил его «нареченным преемником» своим. Это событие дало повод к волнениям среди греческого населения обители, которая вскоре, под влиянием других афонских и внеафонских обстоятельств, выдвинувших на первый план русских и Россию²⁰, вызвали настоящую бурю страстей человеческих, создали на Афоне, а потом и вне его – в Турции и Греции сильную и упорную борьбу греков с мифическим противником-панславизмом, который будто бы угрожает панэллинизму и намерен сделать святую гору Афон орудием своих убийственных замыслов против греческой народности. Так возник знаменитый греко-русский Пантелеймоновский процесс.

Сущность его состояла в борьбе двух народностей – греческой и русской из-за права владения Пантелеймоновским монастырем, основной целью инициаторов этой борьбы – греков, было удаление русских иноков из Пантелеймоновского монастыря и даже с Афона, тогда как русские стремились лишь отстоять свое законное право молиться и трудиться в русской обители Святой горы. Наконец, поводом к процессу послужил факт добровольного избрания игуменом Герасимом преемника себе по власти в лице русского архимандрита Макария. Борьба велась крайне страстно и даже ожесточенно, с угрозами и насилиями, сперва на Афоне в монастыре и протате, а потом в Константинопольской патриархии и

Порте, при участии правительства духовного и светского, дипломатов, монахов, народа и печати. Возникнув в 1870 году, процесс окончился только через пять лет победою русской партии, на сторону которой перешли и благомыслящие из греков, даже сам константинопольский патриарх Иоаким II, перед коим интересы русских иноков защищал наш посол при султанин турецком, граф Н. П. Игнатъев. Торжество русской партии выразилось в том, что игуменский трон Пантелеймоновской обители, по смерти Герасима (1873 г.), занял его нареченный преемник, архимандрит Макарий Сушкин, по двукратному избранию монастырской братии.

§ XV

Игуменство архимандрита Макария (1875–1889 г.) было блестящим периодом в истории Пантелеймоновского монастыря. В это время русские иноки прочно утвердились в своей обители, возросли количественно (до восьмисот человек), окрепли нравственно, заняли почетное место среди насельников Афона, как высокие носители и выразители аскетических идеалов Святой горы.

Монастырь был благоустроен и в материальном отношении: его финансы были приведены в прекрасное состояние, старые огромные долги уплачены, храмы монастыря благолепно украшены и снабжены богатой церковной утварью и обильной ризницей, возведены были капитальные постройки внутри монастыря и расширены старые здания, экономический быт самих монахов значительно улучшен, были благоустроены монастырские метохии и владения, как на территории Афона (Кромица, скит «Новая Фиваида», Старый или Нагорный Руссик), так и вне ее (Кассандрийский, Каламарийский и Сикийский), вновь утвержден на Кавказе Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь, открыты подворья в Петербурге, Константинополе, Одессе, Новороссийске, Сухуми, Ростове на Дону и других городах, которые не только служат источником дохода, но и приносят большую нравственную пользу как жителям этих городов, так особенно простому народу, во время его благочестивого паломничества к святым местам востока. Наконец, Пантелеймоновский монастырь при игумене Макарии предпринял обширную просветительно-издательскую деятельность, распространяя в народе миллионы листов, брошюр и книг религиозно-нравственного содержания. Таковы разнообразные результаты многопольной деятельности игумена Макария. Его трудами Пантелеймоновский монастырь поставлен на одно из первых мест по внутренней организации, значению и влиянию на ход афонских дел, хотя официально, по святогорскому уставу, он и занимает девятнадцатое место.

В последующее время Пантелеймоновский монастырь постепенно расширялся и возрастал. Ныне он, по внешнему своему виду, представляет целый городок. Расположенный на берегу моря, вдоль, по косогору, он содержит в своих стенах массу зданий разных архитектурных стилей и планов, которые возникали в разное время, в зависимости от нарождавшихся потребностей братии, несколько церквей (до 25), величественно возвышающихся своими главами над жилыми

помещениями, а кругом обители расположены многочисленные хозяйственные пристройки. Центральные корпуса монастыря заняты келлиями иноков и гостиницей для богомольцев, библиотекой, трапезной, а кругом находятся: больница, кожевенный завод, красильня, хлебная, свечной завод, фотография, мельница, другая гостиница для народа, склады провизии, хлебные амбары, огороды и т.д. Хозяйство монастыря громадное, а порядок во всем – образцовый. Ныне в Пантелеймоновском монастыре и его подворьях живет около 1800 монахов и послушников, принадлежащих по своему происхождению к различным классам русского общества, преимущественно же вышедших из крестьянской среды. Имеется в составе братства и несколько греков (до 40 человек), для которых и богослужения совершаются на греческом языке. Все иноки русского монастыря не только занимаются молитвой и подвигами, но и несут те или иные послушания, в виде физических или интеллектуальных трудов, на пользу своей обители. Некоторые хозяйственные работы исполняются наемными рабочими из греков и болгар. число коих доходит до 500, при соответствующем количестве и рабочего скота. Монастырем управляет с 1889 года архимандрит Андрей (скончавшийся 30 октября 1903 года), один из сотрудников отца Макария, при жизни которого он избран и его преемником. Отец Андрей нерушимо хранил порядки жизни, насажденные старцами Иеронимом и Макарием, и опытною рукою вел монастырь к всестороннему мирному преуспеянию. Своими сотрудниками по управлению отец игумен имел наместника иеромонаха Нифонта (ныне игумен и архимандрит), духовника, казначея, благочинного, ризничего и многих других должностных монастырских лиц, из коих мы здесь укажем только на библиотекаря отца Матфея, с которым приходится иметь дело всякому, кто приезжает на Афон с научной целью. Отец Матфей – человек замечательный в разных отношениях. Прежде всего, это ученый в полном смысле слова. Кажется, нет такой области знания, которой бы он не интересовался. Особенно почтенны его познания в богословии, истории, археологии, филологии. Между прочим, он прекрасно знает языки новогреческий, турецкий и французский, на коих и ведет обширную официальную корреспонденцию монастыря с протатом, патриархией и Портой, исполняя обязанности и монастырского грамматевса (секретарь). А сведения отца Матфея в греческой палеографии прямо изумительны: он не только с замечательным искусством читает греческие рукописи, но и прекрасно знаком с составом всех монастырских библиотек Афона и на каждый вопрос из этой области может дать интересующемуся обстоятельный сведения. Свою библиотеку отец Матвей любит, как

дорогое детище. Он не только привел и содержит ее в образцовом порядке, снабдив описаниями и каталогами, но и постепенно обогащает ее новыми приобретениями. Последнее дело заслуживает величайшей похвалы. В то время как библиотеки греческих монастырей остаются *statu quo* в течение десятков лет, отец Матфей ежегодно восполняет состав Пантелеймоновской библиотеки новыми кодексами и свежими списками драгоценных греческих текстов, сохранившихся в иных библиотеках Афона. Вследствие этого молодая библиотека Русского монастыря в настоящее время почти ничем не уступает в своем богатстве древнейшим книгохранилищам греческих обителей, а в некоторых отношениях даже и превосходит их (например, по составу рукописей из новейшей истории греческой церкви). Ученые заслуги отца Матфея известны всем, кто интересуется историей христианского востока, и оценены даже на западе: года два тому назад отец Матфей получил от Парижской академии наук официальное признание в почетном звании ученого, удостоившись соответствующего ордена и диплома. Особенно изумительно в этом человеке то, что свои обширные познания он приобрел самообразованием, без предварительной систематической школы. А затем отец Матфей – редкий по скромности и нравственным доблестям монах. Несмотря на то, что в монастыре он, в некотором роде, *persona grata*, отец Матвей по своей скромности упорно отказывается от сана даже иеромонаха и остается простым иноком, неся наряду со всеми обычные монастырские послушания. Его дорога только в храм да в библиотеку, а за стены обители он никогда и не выходит, проводя все свободное от послушаний время в своей келлии, среди кодексов и хартий, да в беседе с заезжими учеными, которые, по приезде в Русский монастырь, прежде всего спешат к этому замечательному человеку для поучения и наставлений касательно богатейшей и обширнейшей афонской письменности. Дай Бог, чтобы в Руссике никогда не оскудевал дух геронта-отца Матфея...

§ XVI

Кроме Пантелеймоновского монастыря, крупными очагами русского иночества на Афоне в настоящее время служат скиты Андреевский и Ильинский. Скит Андреевский расположен на земле Ватопедского монастыря, близ Кареи, городка афонского, и возник на месте келлии «Серай» (красивый дворец), во имя преподобного Антония Великого, в коей некогда жили на покое константинопольские патриархи Афанасий Пателларий (XVII в.) и Серафим (XVIII в.). В начале минувшего столетия келлия «Серай» находилась в полном упадке. В 1841 году ее приобрели у Ватопедского монастыря русские иеромонахи Виссарион и Варсонофий, в мире купцы Толмачев и Вавилов, собрали здесь до 20 монахов и насколько было возможно, благоустроили новую иноческую общину. Искренним желанием ктиторов келлии было возвести ее на степень скита В этом деле существенную им услугу оказал известный ревнитель православия Андрей Николаевич Муравьев, прибывший в 1849 году на Афон с паломнической целью. В том же году Ватопедский монастырь и центральное управление Афона – протат, по ходатайству Муравьева, объявили «Серай» русским общежительным скитом во имя апостола Андрея Первозванного и преподобного Антония Великого, а современный константинопольский патриарх Анфим издал по этому поводу грамоту, утверждавшую новый скит в его правах. Первым настоятелем (дикеем) скита был иеромонах Виссарион, положивший начало его внутреннему преуспеянию и внешнему благополучию, а вторым (с 1862 года) отец Феодорит, в течение 25 лет управлявший скитом и сделавший для него весьма много. Между прочим, в 1867 году в скиту великим князем Алексеем Александровичем был заложен величественный собор во имя апостола Андрея Первозванного с приделами св. благоверного князя Александра Невского и св. равноапостольной Марии Магдалины. Постройка собора тянулась более тридцати лет: весьма торжественно был освящен этот храм 16 июня 1900 года. Средства на его сооружение были собраны в России; щедрую лепту на окончание постройки принес андреевский инок, отец Иннокентий, из рода купцов Сибиряковых, скончавшийся в 1900 году. Работа производилась нанятыми в Константинополе мастерами, при участии монахов. Собор построен из мрамора двух цветов, белого и серого, иконостас сплошь золоченый, с резными колоннами, иконы прекрасной живописи в византийско-русском стиле, купола собора обложены медью, главы и кресты позолочены, на колокольне

доброшумный звон из 20 колоколов. Стоимость постройки простирается до двух миллионов рублей. Ныне Андреевский собор есть самый величественный храм на всем Афоне.

Другие заботы игумена Феодорита были направлены к расширению зданий скита, в виду увеличения братии, к устройству подворий и к внутреннему упорядочению обители. За свои заслуги он еще в 1872 году получил от Ватопедского монастыря сан архимандрита, а константинопольский патриарх Анфим признал его архимандритом патриаршего престола, наградил крестом и дал титул игумена, взамен дикеея; кроме того, скит Андреевский объявлен ставропигиальным или патриаршим. Третьим настоятелем Андреевского скита был иеромонах Феоклит (с 1887 г.), а четвертым архимандрит Иосиф (с 1892 года), который управляет скитом и в настоящее время, при содействии старцев. Ныне в скиту живет до 500 монахов. Скит по внешнему своему виду похож на богатый и благоустроенный монастырь и производит на посетителя прекрасное впечатление своими массивными зданиями, величественным собором, царящими повсюду строгим порядком и дисциплиной. Скит имеет подворья в Константинополе, Одессе, Ростове-на-Дону и Петербурге. Он занимается также просветительно-издательской деятельностью, которая разнообразна и почтенна по своим результатам.

Скит Ильинский находится на земле греческого Пантократорского монастыря. Он устроен в 1757 году знаменитым подвижником Паисием Величковским, который собрал здесь до 30 иноков и ввел общежительный устав. По удалении Паисия в Молдавию, скит пришел в упадок. Особенно тяжелое время скит переживал в начале XIX века, вследствие своей бедности и тревожных внешних обстоятельств. В 1835 году в скит прибыл иеромонах Аникита, в мире князь Шихматов-Ширинский, и много содействовал упорядочению в нем дел. Между прочим, на средства, им представленные, в скиту был построен храм во имя святителя Митрофания Воронежского. Почтенны заслуги и игумена Паисия (с 1841 г.), которого Пантократорский монастырь нашел возможным возвести (1868 г.) в сан архимандрита «за то, что он, управляя скитом уже двадцать восемь лет, не только оставался в полном согласии с начальствующей обителью Пантократорской, но и в течение этого времени скит свой вновь воздвиг, распространил и украсил, доходы его увеличил и вообще нравственно и материально его возвысил». Следующие настоятели скита, по мере сил и возможности, шли по стопам своего предшественника в деле устройства обители. Ныне дикеем состоит архимандрит Максим, человек сравнительно молодой, но опытный в духовной жизни. Братство скита

простирается до 300 человек, преимущественно уроженцев нашей Малороссии, поэтому и скит Ильинский именуется малороссийским. Вообще, этот скит сравнительно беден и нуждается во внешнем материальном содействии. Необходимо расширить жилые помещения, достроить собор, больницу. Печальное явление в жизни этого скита составляют разногласия его с кириархальным Пантократорским монастырем, которые тянутся уже много лет и значительно тормозят развитие этого учреждения.

Русские монахи живут на Афоне также в келлиях и каливах, число коих в 1902 году доходило до 214. Некоторые из этих иноческих учреждений имеют довольно многочисленную братию (до ста человек), хорошо устроены и постепенно расширяются, имея в виду достигнуть впоследствии прав скита. Из келлий более других известны: великомученика Артемия на Провате, св. Игнатия Богоносца, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоуста, трех Святителей, святителя Митрофания, Евфимия Великого, Преображения Господня, Казанской Божией Матери и т.д.

Наконец, среди русских иноков есть много сиромасов, или отшельников, которые живут большею частью в естественных пещерах или землянках и редко нанимают угол, в качестве квартирантов, в какойнибудь каливе. Одежду, хлеб и иногда деньги они получают из монастырей, а также немного зарабатывают ремеслами, приготовляя крестики и ложки, одежду и обувь и т.д. Некоторые из них живут в малодоступной Карулье.

§ XVII

Русские иноки, живущие в монастыре и скитах Афона, а также и в келлиях, руководятся уставом общежительным. В этой привязанности наших иноков к киновии нужно усматривать добрый признак, так как общежитие есть более нормальный и строгий образ подвижничества, получивший начало и развитие здесь в древности, трудами законоположника Афона, св. Афанасия (1001 г.). Тип афонской киновии, представленный нами выше, в русских иноческих учреждениях несколько разнообразится, в зависимости от аскетического настроения руководителей и от преданий, унаследованных от прежних старцев. Но вообще относительно русских монастырей нужно сказать, что они с большою строгостью блюдут литургический устав и проводят в молитве большую часть дня и ночи. Некоторые усматривают даже излишнюю привязанность наших иноков к церковным службам, в ущерб трудовым их обязанностям, налагаемым на иноков тем же общежительным уставом. Но по личным своим наблюдениям мы должны сказать, что там, где материальная необеспеченность заставляет иноков нести и физические работы (например, в некоторых келлиях), они трудятся в поте лица, посвящая этим работам положенные часы дня. Что же касается богатого Пантелеймоновского монастыря и Андреевского скита, то здесь, действительно, физические работы по хозяйству исполняются и наемными арматами (рабочими), но это вызывается необходимостью, так как хозяйство этих учреждений настолько громадно, что инокам своими силами не справиться, а с другой стороны – и братия этих обителей, по мере сил и возможности, несет физические труды на пользу своих «метаний»²¹, если это совместимо с литургическими требованиями устава. Одни из них работают в иконописной, другие занимаются приготовлением одежды или обуви, иные несут «послушание» в монастырской трапезной, некоторые состоят матросами на монастырских судах, иные работают в библиотеке и т.д. Дело находится всем, в зависимости от способностей каждого, и дело немалое, так как, например, при двухтысячном почти составе Пантелеймоновской братии и запасы пищи, одежды, обуви требуются громадные. А в афонские обители обращаются с разнообразными требованиями и со стороны – из России, которую местные иноки снабжают и иконами, и крестиками, и четками, и книгами. Громадному спросу должно соответствовать и такое же предложение, вызывающее и соответствующий со стороны монахов труд. Мы не хотим

здесь оправдывать всех русских иноков Афона, – наша речь только о монастыре и двух скитах русских, да о тех келлиях, которые по своему внутреннему устройству приближаются к главным русским иноческим общежитиям.

В исполнении общежительного устава русские монахи бывают крайне строги. Так, после повечерия запрещается не только вкушать пищу, но и напиток воды; кто вследствие томительной жажды, так обычной при сильных жарах на востоке, решится напиток воды, тот обязан положить за это в простое время 50 поясных поклонов, а в великий пост – столько же поклонов земных с молитвой Иисусовой, или же вновь прочитать повечерие. Запрещается после повечерия и разговаривать, особенно же собираться в келлиях для беседы. За соблюдением этих пунктов устава следит монастырский благочинный. Во время всеобщего бдения, продолжающегося от 9 до 14 часов, в храме обязаны быть все монахи, причем им запрещается дремать: экклисиарх будит всякого задремавшего в стасидии инока. Если монах разбил или потерял какую либо монастырскую вещь, то он в трапезной у всех испрашивает прощение, повергаясь лицом на пол. Равным образом, монастырский повар, трапезарь и чтец житий во время обеда или ужина, когда братия выходит из столовой, повергаются пред ними долу и просят прощения, в том предположении, что, может быть, не исполнили в точности своих обязанностей и чем нибудь не угодили. Без разрешения игумена, монахам не позволено выходить за стены монастыря, собираться в келлиях, принимать милостыню, встречать гостей, иметь частную собственность и т.п. Все эти предписания устава имеют в виду воспитать волю иноков, отсесть лукавые помыслы, погасить страсти. В тех же видах иноки обязываются открывать духовнику все греховные мысли и чувствования, возможно чаще причащаться. Каждый из них имеет своего старца руководителя, при содействии коего и совершенствуется в монашеских доблестях. И справедливость требует сказать, что устав для русских иноков – не пустой звук, не мертвая буква. Исполнение его для многих есть дело жизни, потребность сердца, долг совести. Стоит только раз побывать на Афоне, в центре русского иночества, чтобы убедиться в этом. Можно, на основании личных наблюдений, указать сколько угодно имен, достойных всецелого уважения, делающих честь русскому имени на далекой чужбине. Но носители этих имен крайне скромны, они скрываются в глубине своих келий, их единственная дорога – в храм Божий, а главное, исключительное дело – молитва и пост, с посильными на пользу обители иными трудами. Они не дают покоя и своему телу, в

виде, например, омовений, не моют даже головы и лица, не раздеваются на ночь, а спят в подряснике и поясе, как истинные воины Христовы, несут, все обязанности, налагаемые на них посвящением в великую схиму, которая есть самая высшая степень иноческого делания. Скромны эти представители истинного монашества и не ищут славы мирской, от которой они и бежали, не станем и мы открывать завесу с их славных доблестей, хотя и знаем их. Нелишне отметить особенную заботливость афонских монахов по отношению к бранным останкам своих почивших братьев. Тела умерших погребаются в землю только на три года, по истечении коих вырываются из земли, очищаются от нее, омываются в воде с вином, насухо вытираются хлопчатой бумагой и располагаются в таком порядке: череп, с надписью имени покойного, дня и года его смерти, становится в хронологическом порядке на передних лавках склепа, а прочие кости размещаются по ящикам – ножные к ножным, ручные к ручным и т.д. Над усыпальницами устраиваются небольшие церкви для поминальных богослужений.

Но особенно трогательна любовь афонских монахов к странникам и пришельцам – почтенно их гостеприимство, заставляющее приезжего издали поклонника забывать, что он находится на чужбине, может быть, в первый раз. Приезжих, особенно из интеллигентной среды, обставляют всеми возможными удобствами, им дают и лучшее помещение, и лучшую пищу, снабжают проводниками, на случай поездки по Афону, отправляют на своих конях или мулах в это интересное странствование, не требуя за это ничего, а рассчитывая лишь на добровольное пожертвование. И богомольцы из простого народа окружены вниманием и попечительностью. Не забыты Пантелеймоновским монастырем и странствующие сиромахи, бедные отшельники Афона, часто не имеющие ни приюта, ни куска хлеба. Ежедневно монастырь снабжает их хлебом и сухарями и дает по череку (40 коп.) каждому.

Любопытную картину, достойную кисти художника, представляет сцена раздачи денег сиромахам. С утра четверга, в который происходит эта раздача, монастырь наполняется странствующими отшельниками. Какие лица, одежды! Вот русский мужичок-великоросс, с умным энергичным лицом, в старой, грязной рясе, бледный и изможденный, нервно перебирающий четки и произносящий молитву Иисусову: его взор устремлен куда-то вдаль, а горящие лихорадочным огоньком глаза исполнены священного восторга. Это – сиромах Карульи, скалистого берега Афона, суровый аскет и строгий молитвенник, которого нужда заставляет выйти из пещеры, служащей ему постоянным жилищем. Вот –

молодой, высокий грек, с растрепанными волосами, грязный и рваный, с смуглым лицом, длинными жилистыми руками, громко говорящий что-то своему геронту – глубокому старцу, с потухшим взором, сухому и изможденному: это убогие каливиты, вынужденные некогда оставить свою родину в глубине Малой Азии, вследствие невыносимого турецкого ига. Хорошо им на Афоне, нет произвола и насилия со стороны мусульман, не слышно и презрительной клички «гяур», только бедность обременяет их. Молодой инок еще может работать, – делает ложки и крестики из масличного дерева, а старец – беспомощен, как дитя, вследствие глубокой старости, – полученных за изделия денег недостаточно, и они явились к богатым русским за помощью в неустранимой собственными силами нужде. Рядом с ними стоит смуглый молдаванин, отбившийся от немногочисленной на Афоне румынской общины, ради суровых аскетических подвигов, которые он несет в дикой лесной чаще, под громадным камнем, служащим ему и жилищем, и местом для подвигов; он живет, как птица небесная, питается дикими ягодами и травами, не заботится о завтрашнем дне, но лишь о спасении души своей, никого не боится, кроме Бога, Которому всецело и служит; но крайняя материальная нужда и его заставила нарушить продолжительное одиночество: в руках у него десятка два небольших веников из сухой травы, которые он изготовил на досуге, а теперь принес продать русским монахам, чтобы на вырученные деньги купить лампадного масла. А вот и болгарин, красивый, мужественный и высокий, со связкою четок из ягод какого-то дикорастущего афонского кустарника, которые он также принес в монастырь для обмена на хлеб и сухари... И много, много других «пустынничков» Афона, из диких и непроходимых его дебрей, пригоняется голодом и холодом под кров гостеприимной русской обители. Все они предварительно идут в храм и здесь выслушивают божественную литургию, по окончании коей получают, может быть, единственный раз в неделю, горячий обед в монастырской столовой, а затем снабжаются сухарями, а иные еще – старой одеждой и обувью, оказавшейся, на этот случай, в запасе у доброго отца «рухлядного», в заключение же всего выстраиваются в ряд пред монастырской портой и получают от портаря, знающего в лицо всех пришельцев, по череку на человека и по громадному куску черного хлеба. Накормленные и одаренные, со словами молитвы на устах и благодарности выходят сиромахи из стен гостеприимной обители и тихо направляются в свои каливы, пещеры и землянки, где и проводят время в молитвах и подвигах до следующего четверга, чтобы опять возвратиться сюда для получения необходимой милостыни.

Таким образом, Пантелеймоновской монастырь, этим актом благотворения, как бы объединяет всех сиромасов, скрепляет нравственные связи между пустынниками и монастырем, роднит между собою представителей различных национальностей, распространяя идеи любви и братства, создавая единую иноческую общину.

§ XVIII

При всем том, не все на Афоне обстоит благополучно. Печальное явление во внутренней его жизни составляет вражда между греками и русскими. Ныне эта вражда достигла большого развития. Греки не могут равнодушно говорить о русских, а русские неодобрительно отзываются о греках. Первые жалуются на незаконные захваты русскими греческих обителей, келлий и земель, а русские говорят о насилиях греков и притеснениях. И чем дальше идет время, тем больше и больше растет взаимное недовольство, сильнее разгорается злоба. Можно сказать, ныне до некоторой степени повторяется то, что было в семидесятых годах, во время пресловутого греко-русского Пантелеймоновского процесса. Бесспорно, что закваска этого процесса не выдохлась, – и ныне в распре греческих и русских монахов Афона нужно усматривать отражение прежнего брожения. Лет десять тому назад можно было наблюдать некоторое затишье во взаимном недовольстве афонского населения²², но, оказывается, это было затишье пред бурей, ныне и разыгравшейся «в великой пустыне Афона» в довольно значительной степени. В чем же дело?

В постепенном увеличении русского монашества на Афоне греки усматривают удар эллинизму. Было время, и притом недавно, всего 30–40 лет тому назад, когда на Афоне было очень немного русских иноков; они не имели здесь постоянного, прочно организованного приюта, были бедны, лишены влияния на ход афонских дел. Теперь их положение изменилось до неузнаваемости, сравнительно с прошлым. Русских монахов ныне больше по числу, чем самих греков. Они имеют прекрасно устроенные монастыри и келлии, а главное – они богаты и не жалеют денег на приобретение новых владений, постепенно умножаются в числе и готовы занять всю Святую гору, а греков и совсем вытеснить отсюда. Этот поход русских на Афон имеет в основе, по мнению греков, народно-политические мотивы: это поход панславизма против эллинизма. Известно же, как греки привязаны к своей народности, как они охраняют все очаги эллинизма, как отстаивают каждую пядь родной земли. А здесь дело идет об одном из самых видных приютов эллинизма, об акрополе греческой народности, где еще в византийские времена развевалось эллинское знамя, не исчезнувшее и в турецкую эпоху, вследствие особого международно-политического положения Афона. Отсюда и возникает вражда, которая проявляется в том, что греческие монастыри стараются не продавать

русским монахам ни клочка земли, обставляют различными препятствиями пользование келлиями, лишают старцев келлий права передавать их по наследству своим ученикам, назначают чрезмерные цены за келлии и каливы и т.п. Справедливы ли такие отношения греков к русским?

Нам думается, что вражда греков к русским несправедливо мотивируется побуждениями политического свойства. Политическая окраска русского иночества на Афоне есть дело искусственное, фальшивое, не соответствующее подлинным стремлениям русских на Афон. Панславизм, о котором говорят греки в отношении к русским афонцам, есть миф, праздное слово, не имеющее определенного содержания. Оно создано не в меру пылкой фантазией афонских, а вернее – афинских политиканов из греков, которые всюду видят врагов эллинизму новейшей формации: это обычное явление в среде народов, лихорадящих политическими тенденциями после нарождения или возрождения к новой общественной жизни. Греки видели поход панславизма на восток еще в семидесятых годах, когда возгорелся громкий Пантелеймоновский процесс, но и тогда они не имели ясного о нем представления, поэтому панславизм и являлся для них каким-то пугалом²³. В этом отношении дело нисколько не изменилось и в настоящее время.²⁴ Да и странно было бы навязывать политические тенденции выходцам из глухих наших сел и деревень, отправляющимся на Афон исключительно с религиозной целью. Ведь русский Афон без преувеличения можно назвать «крестьянским царством». Интеллигентов здесь весьма мало, – наберется, может быть, человек 50 на четыре тысячи всех русских иноков, не многочисленны и выходцы из купечества и мещанства, почти ничем не отличающиеся от крестьян, так что крестьянство является на Афоне преобладающим и даже всепоглощающим элементом. Обитатели наших сел и деревень отправляются на Афон исключительно по мотивам религиозным – молиться и спасаться, – до политики ли им? А затем политиканство требует и соответствующей интеллектуальной подготовки, которой владеют греческие монахи, но никак не русские. Справедливость требует сказать, что среди русских монахов Афона очень мало людей образованных, большинство – полуграмотные, – до политики ли им? А руководители иночества, проникнутые теми же идеями молитвы и спасения, так обременены делами по управлению братией и многосложным монастырским хозяйством, что и для них политика – дело невозможное.

Вообще, при современных условиях положения русских на Афоне,

политика, хотя бы в форме панславизма, есть для них дело чуждое, не существующее, недействительное. Такова именно и личная точка зрения русских афонцев, вытекающая из духа и характера их иноческого идеала. Да и с посторонней разумной точки зрения нет основания усматривать в поселении русских на Афоне какое-то политическое дело. Не нужно забывать, что речь идет о местности, никогда не принадлежавшей, в целом своем объеме, исключительно славянам. Затем, восточный вопрос уже давно стоит на дороге панславизму, и не известно, когда это препятствие будет устранено. Наконец, русское монашество на Афоне находится еще в процессе брожения и формирования, и было бы очень рискованно возлагать на него ответственную политическую роль.

§ XIX

Нет, не в политической или государственной миссии заключается сила и возможный будущий успех русского монашества на Афоне, а в наилучшем устройстве религиозно-аскетической жизни наших иноков. Как ни высока эта жизнь в настоящее время, но прогресс и для нее возможен и необходим. Прекрасный в этом отношении образец наши монахи могут найти в прошлой истории Афона. Еще в византийскую эпоху на Святой горе подвизались представители различных народностей: здесь были греки и русские, грузины и армяне, болгары и сербы, молдаване и даже латиняне, Афон роднил все народы, потому что все здешние иноки были объединены одной целью – стремлением к вечному спасению, между ними было тесное духовное родство, они были выразителями истинных монашеских идеалов вселенского православия, составляли истинное братство. Теперь – не то: между греками и русскими существует крупный разлад... Его, конечно, не должно быть, в интересах тех и других. Что же делать? – Если, как сказано выше, в этой вражде нет и не должно быть политического элемента, то все-таки факт требует объяснения. Нам думается, что в оценке этого факта нужно держаться монашеской, афонской точки зрения, а не уклоняться в сторону посторонних мотивов.

Все ли хорошо обстоит в жизни русских иноков на Афоне? – Нет. В этом случае мы имеем два авторитетных, официальных свидетельства, на который и сошлемся. Наш Святейший Синод, в течение уже многих лет, обращает внимание православной России на целую группу афонских келлиотов_из среды русских иноков, которые в действительности не имеют ничего общего с истинным афонским монашеством. Купив на Афоне келлии, они почти вовсе не живут здесь, а проводят время, большей частью, в Константинополе, где занимаются всем, чем угодно, только не монашескими подвигами. Целые тучи просительных писем летят от них в Россию, которые, к сожалению, не остаются без ответа, – и вот средства для спокойной и беспечальной жизни найдены... Разумеется, греки не могут быть довольны такими насельниками Святой горы, появившимися здесь вместе с укреплением русских и ставших в полный разлад с уставами и традициями Афона, тем более, что закваска старой вражды не выветрилась, и почва для взаимного разлада была подготовлена событиями семидесятых годов. На русских келлиотов обратил внимание афонский протат, а в самое последнее время – и константинопольская патриархия.

Патриархи Константин V и Иоаким III издали на имя афонского центрального управления целый ряд посланий, в которых указывают на ненормальность келлиотского строя на Афоне и предписывают соблюдать в этом отношении древние уставы Святой горы. А эти уставы предписывают монахам постоянно жить в монастыре или келлии и не оставлять Святой горы по личному желанию, иметь в келлии лишь то число братства, которое указано в омологии, причем это число ограничивается только тремя иноками, строго исполнять предписания относительно молитвы, постов и т.д.²⁵.

И так, Святейший Синод и константинопольские патриархи указывают, по нашему мнению, подлинную причину разлада между греками и русскими на Афоне: это уклонение наших келлиотов от устава и традиций Афона, их личный произвол, идущий в разрез со всем укладом святогорской жизни. В этом отношении и необходимы, прежде всего, улучшения. Келлиоты должны быть подчинены высшей власти, их произвол в попирации иноческих уставов должен быть прегражден, они обязаны строго соблюдать данные им обеты. В недавнее время некоторые келлиоты образовали свое особое «братство». Дело, конечно, симпатичное, но, к сожалению, оно имеет в основе и посторонние для аскетизма задачи. Нет, не сами случайные пришельцы из России на Афон могут упорядочить свою жизнь в духе святогорских уставов, которых они не знают и не понимают, а те афонские учреждения, которые имеют свои корни в глубине веков и проникнуты идеалами древних насельников Афона, то есть протат и монастыри, а затем – вселенская патриархия и наш Святейший Синод, как центральные носители и выразители православного учения и власти. Только в том случае, если уставы Афона не будут попираемы, исчезнет повод взаимного недовольства греков и русских, между насельниками Афона водворится мир и согласие, и на Святой горе вновь возникнет истинное иноческое братство, как было и в древние времена.

Затем, прекрасный урок из прошлой истории Афона наши иноки могли бы почерпнуть в отношении образования. Святая гора в эпоху византийскую была видным очагом просвещения. Греческие монахи были истинными друзьями наук и искусств, усердно ими занимались, трудились и на научном поприще и вообще оставили заметный след в истории византийской культуры. Не то видим теперь в русских иноческих учреждениях. Образование здесь не процветает, а ученых весьма мало. Нельзя, конечно, назвать русских иноков сознательными обскурантами, но при настоящем своем положении они могли бы, в отношении науки и

просвещения, делать больше того, что наблюдается теперь. Для монахов нужны школы, необходимо знакомить их с прошлым Афона и Византии, нужно заинтересовать их в богатейшем содержании знаменитых афонских библиотек, приучить обращаться с рукописями, ценить памятники искусства афонского, приготовить разумных руководителей и проводников для посетителей афонских храмов и монастырей. Вообще, область культуры и просвещения весьма обширна, и тут возможны многие степени совершенства, но, конечно, лучше иметь хотя бы немногие приобретения в этой области, чем питать полнейшее равнодушие к естественным запросам духа человеческого и проникаться безразличием к замечательным произведениям византийской науки и искусства. Повторяем, – мы не хотим сказать, что ныне нет среди русских иноков Афона людей просвещенных: они имеются, но их очень немного, имена их известны всем, масса же афонских монахов, их большинство немногим отличается, в отношении образования, от той крестьянской среды, из которой они вышли. Разумеется также, что просвещение афонских иноков, о коем здесь ведется речь, как о желательном их будущем приобретении, должно возглавляться богословием и в нем иметь свои корни.

Наконец, нет соответствия между русским и византийским монашеством в отношении их влияния на внешний мир. Монахи византийские оказывали в высшей степени благотворное воздействие на современное общество. Они были обличителями пороков и заблуждений современного общества, защитниками теснимых и угнетаемых, поборниками правого исполнения церковных догматов и канонов, миссионерами среди язычников и маловерных, просветителями народа в школах, деятелями науки и литературы, чрез посредство коих влияли и на окружавшие Византию народы – грузин, болгар, сербов и русских, щедрыми благотворителями для народа и т.п. В подобном направлении могла бы развиваться деятельность и русских монахов в отношении к нашему обществу. Последнее со своей стороны дает им весьма много: оно именно создало нашим монахам то внешнее материальное благополучие, которое они теперь имеют. Справедливость требует, чтобы и монахи пришли на помощь народу и обществу именно в том, в чем последние наиболее нуждаются. Благородным поприщем соревнования для них могли бы служить просвещение и благотворительность. На этом обширном поле многое можно бы сделать. Это не значит, конечно, что Афон должен совершенно омирщиться, переселиться в мир: русские монахи могли бы достигнуть, в отмеченном направлении, прекрасных результатов чрез посредство тех многочисленных своих собратий, которые и теперь живут

на афонских подворьях в Петербурге и Москве, в Одессе и Ростове-на-Дону, в Константинополе и Фессалонике. Они уже состоят на службе миру, требуется только преобразовать их деятельность и расширить, в соответствии с постепенно увеличивающимся ростом русского монашества на Афоне и с наличными запросами нашего народа.

§ XX

Вот немногие *pia desideria*, навеянные на нас впечатлениями недавнего нашего пребывания на Афоне и историческим прошлым здешнего византийского и отчасти русского монашества. Бесспорно, и теперь в жизни наших монахов на Афоне много привлекательного, отрадного, поучительного. Здесь много подвижников высокой добродетельной жизни, много молитв, добра, подвигов, слез. Пребывание на Афоне умиляет сердце, преобразовывает и улучшает нравственный строй, проливает целительный бальзам на душевные раны. Но область нравственного преуспеяния безгранична, а для Святой горы, в силу исторического ее значения, эти пределы расширяются еще до тех идеалов совершенства, осуществление коих история показывает нам в целом сонме святителей и преподобных, просиявших на Афоне в прежнее время. Да будет же Афон и впредь Святою горою по преимуществу, какою он был и раньше...

Примечания

¹ - Ставропигиальными (или патриаршими) монастырями называются такие, которые подчинены непосредственно патриарху помимо местной епархиальной власти, хотя бы и находились вне константинопольской архиепископии. Права патриаршей ставропигии получали потому, что патриархи или сами были их основателями, или брали под свою защиту от других ктиторов. В том и другом случае, при создании монастыря, происходило водружение креста – ставропигия (σταυρος – крест и πύυυυι – утверждаю) или самим патриархом или его наместником.

² - Сигиллий – грамота со свинцовой печатью.

³ - Кроме метохов, расположенных на Святой горе, афонские монастыри имеют владения на островах Архипелага в Македонии, Фракии, Малой Азии и России, которые, вместе с добровольными пожертвованиями христиан, и служат главным средством содержания иноков. Некоторые из монастырей (Ватопед, Ивер, Зограф и др.) получают от своих имений громадные доходы.

⁴ - Монастырские земли и владения, находящиеся на турецкой территории вне Афона, обложены десятинным налогом наравне с участками остальных владельцев; ныне десятина взимается с афонских монастырей деньгами, а не натурой.

⁵ - «Ток» – узкая и длинная доска из сушеного дерева, с круглым перехватом посредине. Звуки извлекаются из тока при помощи деревянного молоточка.

⁶ - «Древа тяжкая», или церковное било, – толстая и длинная доска из сухого дерева, висящая или на колокольне, или близ нее.

⁷ - «Клепало» – железная полудуга, из которой звуки извлекаются железным молоточком.

⁸ - В православных храмах востока, в средней их части, вдоль по стенам и около колонн обыкновенно устраиваются отдельные для каждого богомольца помещения для стояния и сидения, которые и называются стасидиями.

⁹ - К. Леонтьев: Восток, Россия и славянство. Сборник статей, т.1, стр. 32–33. Москва. 1885.

¹⁰ - Проф. Е.Е.Голубинский, «История русской церкви», т.1, ч.2, стр.469. Москва. 1881.

¹¹ - Обитель Богородицы «Ксилургу» существует и в настоящее время,

сохранив достоинство скита. Скит находится на восточном склоне Афона, в трех часах пути от русского Пантелеймонова монастыря, и населен болгарскими монахами.

¹² - Акты русского на святой Афонской горе монастыря св. великомученика целителя Пантелеймона, стр. 71–75. Киев. 1873.

¹³ - «Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на святой горе Афонской», стр. 35–45. Изд. 7-е. М. 1886.

¹⁴ - Фанариоты получили свое название от квартала Фанар в Стамбуле, где они жили и где находится вселенская патриархия, в делах которой, а также и всего греческого народа, они принимали весьма большое участие.

¹⁵ - «Гражданин» за 1889 год, №196

¹⁶ - «Гражданин» за 1889 год, №246

¹⁷ - Профессор А.А.Дмитриевский. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеймонова монастыря священно-архимандрита Макария, стр.91–96. Спб. 1895.

¹⁸ - «В светлые и грустные минуты». Собрание стихотв. С.П., стр.134. Москва. 1902.

¹⁹ - О жизни и деятельности отца Макария (Сушкина) прекрасно рассказывается в отмеченной книге киевского проф. А.А.Дмитриевского.

²⁰ - На Афоне почти одновременно были избраны из Пантелеймоновского братства игумены монастырей св. Павла и Ксенофонта, – патриарх вселенский Анфим оказал особое внимание русскому Андреевскому скиту, малороссийский Ильинский скит был в раздоре с греческим Пантократорским монастырем; вне Афона возникла греко-болгарская схизма, русское правительство выгнало из Бессарабии греческих монахов и взяло на себя заведывание здешними афонскими именьями. – Проф.Дмитриевский, указ. соч., стр.162–168.

²¹ - "Метания" (μετανοια – раскаяние, поклон) на иноческом языке означает монастырь, где было принято тем или иным иноком пострижение, сделан пред «отцами» первый поклон...

²² - Проф. А.А.Дмитриевский, Русские на Афоне, стр.394.

²³ - Известный русский писатель К. Н. Леонтьев дал прекрасную характеристику понимания панславизма греческими публицистами. «Русский пчел разводит на Святой горе, пишет он, может быть, по русской методе. Он панславист! А сын его? Сын, почти обманом сманивший его сюда о, сын его, конечно, агент Игнатьева, Каткова. – Уважают греки

русских духовников? – Панславизм! – Берут греки других монастырей из греческих иноков Руссика, живущих дружно с русскими, игумена. – Панславизм! Берут скитские андреевцы в свою русскую среду одного грека – ученого монаха, чтобы учить русскую молодежь свою по-гречески... Какова хитрость! Каков панславизм! – Богат Зограф, болгарский монастырь? – Панславизм, потому что болгары и русские одно и то же. – Богат Ватопед греческий? – Панславизм, потому что имения его в России. – Бедны греческие монастыри – Ксеноф, Симопетра, Есфигмен? – Опасно, – их подкупят. Волнуются запорожцы? – Бунт! Интрига! Панславизм! – Помог русский консул грекам, – дурно сделал: зачем вмешался? – Не помог – и того хуже: видите, и права греков не хотят поддержать» и т.д. «Восток, Россия и славянство», т. I, стр. 58–59. Москва. 1885.

²⁴ - «К превосходной характеристике Леонтьева, – пишет проф. А. А. Дмитриевский, – нужно прибавить лишь то, что и современные восточные публицисты не пошли дальше (своих предшественников) в понимании сущности панславизма». Русские на Афоне, стр.167.

²⁵ - Патриаршие грамоты относительно этого изданы в греческой книге «Описательный каталог официальных церковных документов о монастырях Афона, хранящихся в Патриаршем архиве». Константинополь. 1902.

Содержание

И. Соколов Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии профессор Иван Иванович Соколов	1
§ I	2
§ II	4
§ III	6
§ IV	9
§ V	12
§ VI	14
§ VII	17
§ VIII	20
§ IX	23
§ X	27
§ XI	32
§ XII	35
§ XIII	37
§ XIV	40
§ XV	43
§ XVI	46
§ XVII	49
§ XVIII	54
§ XIX	57
§ XX	61
Примечания	62